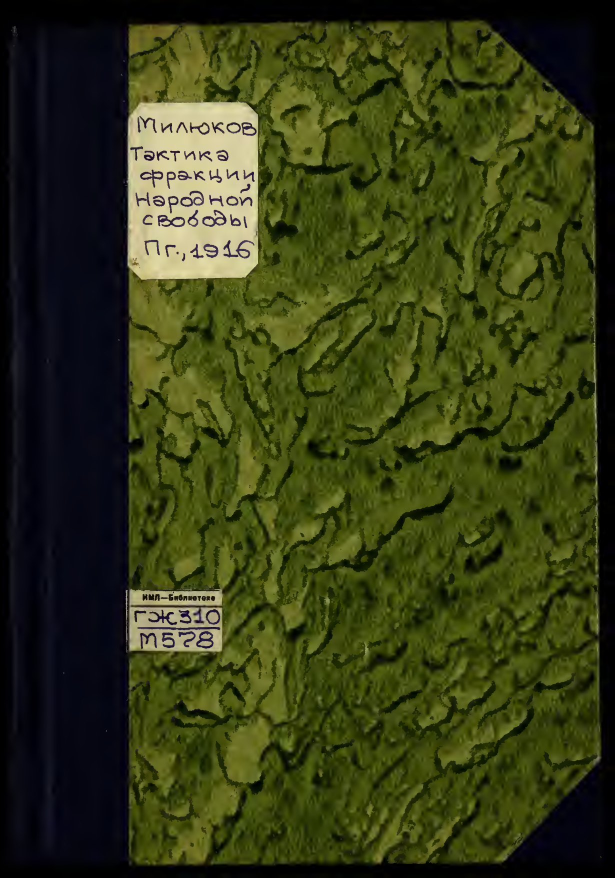
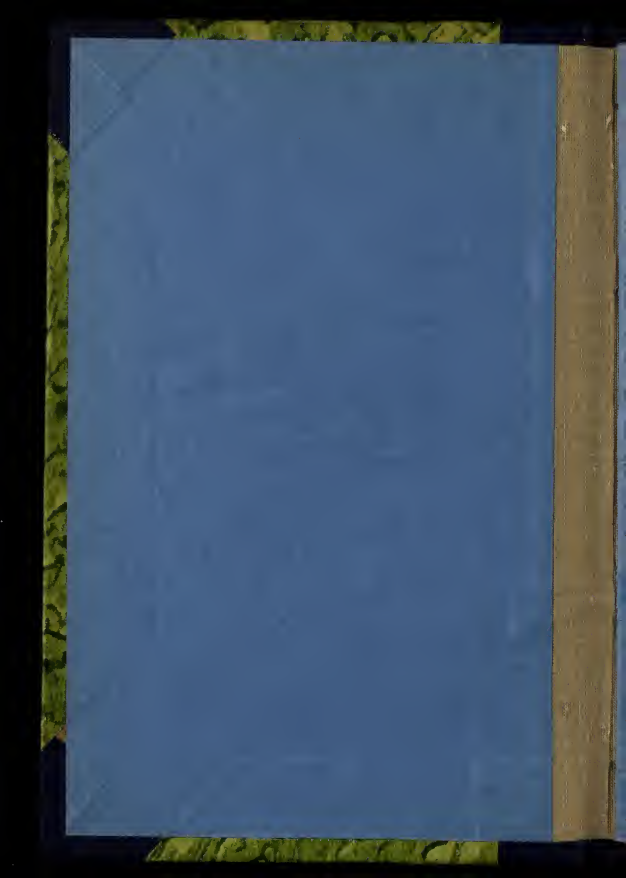
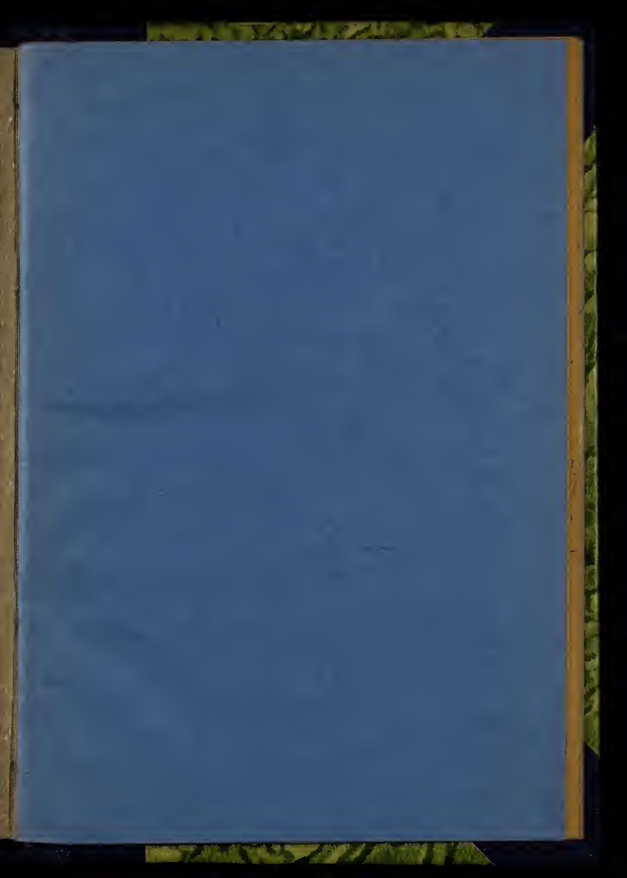

Милюков
Тактика
фракции
Народной
свободы
Пг., 1916
ИМЛ—Библиотека
ГЖ310
М578

П. МИЛЮКОВЪ.

А. Тыркова

Тактика фракціи Народной Свободы во время войны.

ПЕТРОГРАДЪ.
Тип. Т-ва „Екатерингофское Печатное Дѣло", Екатерингофскій пр., 7.
1916.

Изъ отчета о дѣятельности фракціи народной свободы за „военныя“ сессіи.

(Въ періодъ отъ 26 іюля 1914 г. по 3 сентября 1915 г.).

П. МИЛЮКОВЪ.

Тактика фракціи Народной Свободы

во время войны.

ПЕТРОГРАДЪ.
Тип. Т-ва „Екатерингофское Печатное Дѣло", Екатерингофскій пр., 7.
1916.

I.

Партія и фракція Народной Свободы съ самаго начала войны усвоили себѣ особую тактику, непосредственно вытекавшую изъ взгляда партіи на значеніе войны и на поставленныя ею передъ страной національныя задачи. Въ общемъ можно сказать, что линія поведенія, выбранная партіей и проводившаяся фракціей во всѣхъ военныхъ сессіяхъ Гос. Думы, явилась руководящей для большинства общественныхъ теченій, и привела, при послѣдовательномъ ея проведеніи, къ результатамъ, значеніе которыхъ оцѣнено большинствомъ общественнаго мнѣнія. Но нельзя отрицать, что рядомъ съ этимъ, тактика к-д., въ связи съ образомъ дѣйствій правительства, вызвала и недовольство, выразившееся въ критическомъ отношеніи къ отдѣльнымъ шагамъ партіи даже со стороны нѣкоторыхъ изъ тѣхъ лицъ, которыя въ общемъ одобряли избранную фракціей тактику. Значительная часть этихъ возраженій идетъ, правда, изъ тѣхъ круговъ, которые и въ прежнее время являлись противниками партіи Народной Свободы. Многія изъ возраженій основаны на незнаніи или на неточной передачѣ совершившихся фактовъ. Наконецъ, довольно обычно то обстоятельство, что критикующіе останавливаются на отдѣльныхъ частностяхъ, игнорируя ту общую нить и то единство руководящей мысли, въ связи съ которыми и отдѣльные факты получаютъ свое естественное объясненіе.

Цѣль настоящаго отчета заключается въ томъ, чтобы дать связное изложеніе „военной" тактики к-д., основанное на провѣренныхъ и точно установленныхъ данныхъ. Посвященный главнымъ образомъ фактамъ и событіямъ партійной и фракціонной жизни, отчетъ, разумѣется, не можетъ претендовать на полноту и вовсе не имѣетъ цѣлью изобразить полную картину политической жизни страны за истекшее время*). Главная задача отчета—дать матеріалъ для правильнаго пониманія тактики фракціи к-д. и для разъясненія, какъ единомышленникамъ, такъ и постороннимъ партіи лицамъ, вызванныхъ этой тактикой недоумѣній.

II.

Исходной точкой поведенія к-д. въ военное время послужилъ опредѣленный взглядъ на настоящую войну, который неоднократно развивался въ публичныхъ выступленіяхъ партійныхъ дѣятелей. Война эта не явилась для фракціи чѣмъ-либо совершенно неожиданнымъ. Члены фракціи съ думской кафедры не разъ предостерегали относительно надвигающейся опасности и указывали на тѣ обстоятельства, которыя ускоряли наступленіе готовившихся грозныхъ событій. Само собою разумѣется, что фракція относилась къ такого рода обстоятельствамъ отрицательно, какъ можно усмотрѣть изъ ея ежегодныхъ отчетовъ. Въ рѣчахъ П. Н. Милюкова о внѣшней политикѣ (см. отчетъ фракціи за 2-ю сессію) и А. И. Шингарева (въ засѣданіи Гос. Думы,

*) Для болѣе общей характеристики политическихъ событій года см. отдѣлъ „Россія" въ Ежегодникѣ „Рѣчи" за 1915 годъ.

посвященномъ обсужденію т. наз. „большой программы“ вооруженій) можно найти доказательства того, съ какой отчетливостью и ясностью фракція представляла себѣ значеніе развертывавшихся событій и въ какую связь она ставила ихъ съ правительственной политикой. Фракцію упрекали впослѣдствіе, что въ ожиданіи предстоящихъ осложненій она голосовала противъ усиленія вооруженій. Но при этомъ упускался изъ виду цѣлый рядъ обстоятельствъ, объясняющихъ значеніе этого голосованія. Прежде всего, фракція предсказывала устами упомянутыхъ ораторовъ, что задуманная программа вооруженій не будетъ закончена къ моменту, когда можетъ начаться „превентивная“ война, ускоренная именно этой самой программой. И она оказалась права. Далѣе, отрицательное голосованіе имѣло опредѣленное политическое значеніе, объясненное въ рѣчи П. Н. Милюкова по бюджету 22 апрѣля 1914 г. „Вашъ отказъ въ кредитѣ, говорилъ П. Н. Милюковъ, имѣетъ весьма опредѣленный смыслъ: желаніе, чтобы или это правительство ушло, или перемѣнило свою тактику“. О „тактикѣ“, вызвавшей такое отношеніе къ бюджету не одной лишь оппозиціи, но на этотъ разъ даже и октябристовъ, можно найти подробный разсказъ въ отчетѣ фракціи за 1913—1914 гг. Тактика эта начата была вновь назначеннымъ предсѣдателемъ совѣта министровъ и состояла въ цѣломъ рядѣ ограничительныхъ мѣръ относительно правъ Гос. Думы. Въ связи съ созданнымъ такимъ образомъ положеніемъ, вызвавшимъ въ большинствѣ Гос. Думы готовность бороться на почвѣ своихъ бюджетныхъ правъ, и находится голосованіе фракціи противъ „большой программы“. Всякая попытка толковать его иначе, какими либо антимилитаристскими соображеніями, была бы неправильна и опровергалась бы цѣлымъ рядомъ другихъ голосованій фракціи за вооруженія. Ближе всего голосованіе 1914 г. стоитъ къ подобному же голосованію большинства 3-й Гос. Думы противъ кредитовъ на новые броненосцы, вызванному желаніемъ добиться коренной реформы порядковъ въ вѣдомствѣ. Замѣчанія А. И. Шингарева въ упомянутомъ засѣданіи касались подобнаго же положенія въ другихъ частяхъ нашего военнаго дѣла. Къ сожалѣнію, послѣдствія показали, что замѣчанія эти были справедливы.

Всѣ эти соображенія, разумѣется, сразу отошли на второй планъ, когда опасенія фракціи осуществились и надъ Россіей нависла опасность нашествія врага, сильнаго своей технической подготовкой и разсчитывавшаго захватить своихъ противниковъ врасплохъ, воспользовавшись ихъ неподготовленностью и ихъ внутренними распрями.

Первой задачей, поглотившей всѣ остальныя, стало теперь—отразить общую для всѣхъ опасность и для этого использовать въ цѣляхъ обороны всѣ наличныя силы и средства страны. Мысль объ „организаціи страны для побѣды“, получившая столь важное значеніе впослѣдствіи сперва у нашихъ союзниковъ, а потомъ и у насъ—появилась и въ средѣ партіи въ первыя же недѣли войны. Всѣ понимали, что для достиженія побѣды недостаточно простого воздержанія отъ дальнѣйшей внутренней борьбы. Нужно было не только воздерживаться, а и проявить активность. Отъ страны требовались величайшія усилія и тяжелыя жертвы: нужно было эти усилія сдѣлать и принести эти жертвы. Всякая жизнеспособная страна должна была непосредственно реагировать на эту первѣйшую національную потребность подъемомъ національнаго чувства. Россія это сдѣлала. Политическія партіи явились только болѣе или менѣе точными выразителями общаго настроенія. Центральный Комитетъ партіи Народной Свободы поспѣшилъ формулировать это настроеніе въ первый же день по объявленіи войны. Его воззваніе „къ единомышленникамъ“ явилось первымъ общественнымъ откликомъ на наступившія міровыя событія. Установленная въ воззваніи линія поведенія сразу внесла ясность въ сложившееся положеніе.

„Въ тяжелую минуту, — говорилось въ этомъ обращеніи Ц. К., — когда внѣшній врагъ стоитъ у воротъ, когда наши братья вышли къ нему навстрѣчу и готова пролиться родная кровь за спасеніе родины: когда тѣ, кто остались, силой вещей призваны къ великимъ жертвамъ, духовнымъ и матеріальнымъ, руководители партіи народной свободы высказываютъ твердую увѣренность, что ихъ политическіе друзья и единомышленники, гдѣ бы они ни были и въ какомъ бы положеніи ни застала ихъ война, до конца исполнятъ свой долгъ россійскихъ гражданъ въ предстоящей борьбѣ. Каково бы ни было наше отношеніе къ внутренней политикѣ правительства, нашъ первый долгъ сохранить нашу страну единой и нераздѣльной и удержать за ней то положеніе въ ряду міровыхъ державъ, которое оспаривается у насъ врагами. Отложимъ же внутренніе споры, не дадимъ врагу ни малѣйшаго повода надѣяться на раздѣляющія насъ разногласія и будемъ твердо помнить, что теперь первая и единственная задача наша — поддержать борцовъ вѣрой въ правоту нашего дѣла, спокойной бодростью и надеждой на успѣхъ нашего оружія. Пусть моральная поддержка всей страны дастъ нашей арміи всю ту дѣйственную силу, на которую она способна, и пусть защитники наши не обращаются съ тревогой назадъ, а смѣло идутъ впередъ навстрѣчу побѣдѣ и лучшему будущему“.

Выраженныя здѣсь мысли и намѣренія до такой степени безспорны, и значеніе ихъ для того момента до такой степени самоочевидно, что возраженій противъ воззванія Ц. К. намъ не приходилось слышать даже и со стороны большинства противниковъ к.-д. Возраженія начинались лишь тогда, когда заходила рѣчь о способѣ осуществленія намѣченной Ц. К. линіи поведенія, а также и о развитіи взглядовъ к.-д. на задачи начинавшейся войны.

III.

Для поддержанія сложившагося настроенія, очевидно, былъ необходимъ соотвѣтствующій образъ дѣйствій правительства. И были мнѣнія — отчасти и въ средѣ самихъ к.-д. — что на желательный образъ дѣйствій нужно указать публично, при первой же встрѣчѣ съ представителями власти, въ первомъ по объявленіи войны засѣданіи Гос. Думы. Другіе шли дальше и предлагали сдѣлать эти указанія въ формѣ условій, отъ осуществленія которыхъ зависѣла общественная поддержка. Всѣ предложенія такого рода были обсуждены въ засѣданіи фракціи 25 іюля 1914 г. и, послѣ обстоятельнаго обсужденія, отвергнуты. Было, прежде всего, указано, что нашъ взглядъ на данный составъ кабинета не измѣнился, а слѣдовательно не могло явиться новыхъ ожиданій на измѣненіе имъ своей прежней тактики. Послѣдующіе факты и доказали справедливость этого указанія. При такомъ положеніи, предъявленіе условій было-бы, въ сущности, продолженіемъ старой борьбы безъ сколько-нибудь серьезной надежды на успѣхъ. Такое предъявленіе, кромѣ того, поставило бы исполненіе долга передъ родиной въ зависимость отъ факторовъ, хотя и обусловливавшихъ болѣе или менѣе успѣшный ходъ войны, но не зависѣвшихъ отъ русской общественности. Отъ воли политическихъ партій зависѣло лишь вложить свою долю участія въ національную борьбу, не ставя ее въ зависимость отъ той или другой доли участія другихъ факторовъ. Это и рѣшила сдѣлать фракція народной свободы. Тѣмъ самымъ она становилась на точку зрѣнія, значеніе которой стало ясно впослѣдствіи. Настоящая война есть война народная. Ее ведетъ народъ, и народъ добьется побѣды, какія бы препятствія ни встрѣтились на его пути.

Въ „историческомъ“ засѣданіи Г. Думы 26 іюля 1914 г. представителю

фракціи народной свободы пришлось говорить послѣ представителей лѣвыхъ фракцій. Согласно постановленію фракцій, принятому наканунѣ, онъ подчеркнулъ во вступительныхъ словахъ своей рѣчи, что фракція отнюдь не измѣняетъ своего отношенія къ вопросамъ внутренней политики, а лишь отсрочиваетъ парламентскую борьбу по этимъ вопросамъ до тѣхъ поръ, пока будетъ отражена общая національная опасность. „Фракція народной свободы, заявилъ онъ, неоднократно говорила въ Г. Думѣ о тѣхъ вопросахъ, которые были затронуты двумя первыми ораторами (с.-д. и трудовиковъ). Ея мнѣнія по этимъ вопросамъ всѣмъ хорошо извѣстны и, конечно, никакія обстоятельства не могутъ измѣнить этихъ мнѣній. Когда настанетъ время, фракція вновь заговоритъ о нихъ и вновь будетъ указывать на единственный возможный путь къ внутреннему обновленію Россію. Мы надѣемся, что пройдя черезъ тяжкія испытанія, намъ предстоящія, страна станетъ ближе къ своей завѣтной цѣли.“

Эти заявленія заранѣе предусматривали и устраняли возможныя нападки на занятую фракціей позицію. Несмотря на полную опредѣленность ихъ, зачастую эти нападки выражались впослѣдствіи въ самой грубой формѣ—обвиненія фракціи въ отказѣ отъ всѣхъ прежнихъ мнѣній и отъ прежней борьбы. Простая ссылка на приведенное начало рѣчи 26 іюля можетъ доказать, что рѣчь шла не объ отказѣ, а только объ отсрочкѣ.

Причина этой отсрочки формулировалась въ слѣдовавшихъ за этимъ словахъ рѣчи. „Въ эту минуту всѣхъ насъ слишкомъ глубоко захватили другіе вопросы. Иная задача, грозная и величественная, стоитъ передъ нами и повелительно требуетъ немедленнаго разрѣшенія. Намъ нужно сосредоточить всѣ свои силы на защитѣ государства отъ внѣшняго врага, вознамѣрившагося столкнуть насъ съ своего пути къ міровому господству...“ „Въ этой борбѣ мы всѣ за одно; мы не ставимъ условій и требованій: мы просто кладемъ на вѣсы борьбы нашу твердую волю одолѣть насильника.“

Въ послѣдующей рѣчи 27 января 1915 г., возвращаясь къ формулированной здѣсь тактикѣ, ораторъ партіи охарактеризовалъ ее словами: „не жестъ политика, а твердое рѣшеніе гражданина“.

Противники этой тактики постоянно упрекали фракцію въ томъ, что, не поставивъ никакихъ условій и не выговоривъ за свою поддержку никакихъ уступокъ, фракція пропустила удобный моментъ и сдѣлала себя отвѣтственной за всѣ послѣдствія неуступчивости власти. Не говоря уже о тѣхъ принципіальныхъ соображеніяхъ въ пользу принятой тактики и противъ тактики „торговли“, которыя приводились выше, защитники этой послѣдней тактики просто невѣрно оцѣниваютъ предѣлы представлявшихся возможностей. Послѣдующія событія лучше всего показали, что значеніе общественной поддержки въ очень слабой степени понималось и никакіе переговоры на этой почвѣ просто не были возможны. Вотъ почему вдвойнѣ правы были тѣ, кто рѣшилъ показать всѣмъ своимъ образомъ дѣйствій, что услуга въ данномъ случаѣ оказывалась не правительству, а народу, и что это была, собственно, не услуга, а простое исполненіе гражданскаго и національнаго долга.

IV.

Взглядъ фракціи на значеніе войны былъ выраженъ въ засѣданіи 26 іюля въ слѣдующей фразѣ. „Наше дѣло—правое дѣло; мы ведемъ борьбу за освобожденіе нашей родины отъ иноземнаго нашествія, Европы и славянства—отъ германскаго преобладанія; всего міра—отъ невыносимаго гнета постоянно

растущихъ вооруженій, разоряющихъ мирныхъ тружениковъ и вызывающихъ все новыя и новыя вооруженныя столкновенія“ Здѣсь, такимъ образомъ, кромѣ сознанія непосредственной опасности, подчеркивалась и та, общая намъ съ нашими союзниками, идеологія войны, которая выразилась въ признаніи ея войной „освободительной“.

Въ слѣдующую сессію, въ засѣданіи 27 января 1915 г. ораторъ фракціи еще подробнѣе развилъ и обосновалъ эту идеологію. Онъ особенно подчеркнулъ „тотъ глубокій нравственный смыслъ, который пріобрѣтаетъ міровая война благодаря участію въ ней двухъ наиболѣе передовыхъ демократій современнаго человѣчества“. Онъ выразилъ также вѣру въ то, „что участіе это обезпечиваетъ намъ полное достиженіе освободительныхъ цѣлей этой войны“. Эти цѣли онъ опредѣлялъ, какъ «устраненіе той тревоги и безпокойства, которыя вызывались стремленіемъ германства къ господству надъ міромъ и которыя создавали необходимость безконечнаго роста вооруженій, въ свою очередь становившагося причиной кровопролитныхъ войнъ“. Онъ противополагалъ этому „утвержденіе мирнаго правового сожительства народовъ на основахъ взаимнаго уваженія къ самостоятельности каждаго“.

Съ вступленіемъ Турціи эта первоначальная идеологія войны осложнилась новымъ элементомъ. Для Россіи открывалась возможность осуществленія важнѣйшей своей исторической задачи, выхода къ свободному морю. И этотъ элементъ также былъ введенъ во фракціонную декларацію 27 января, въ словахъ: „мы съ удовлетвореніемъ выслушали *) сообщеніе руководителя нашей внѣшней политики и узнали отъ него, что осуществленіе нашихъ національныхъ задачъ стоитъ на вѣрномъ пути. Мы увѣрены, что выполненіе главнѣйшихъ изъ этихъ задачъ—пріобрѣтеніе проливовъ и Константинополя будетъ своевременно обезпечено, какъ дипломатическими, такъ и военными средствами“. Нужно оговориться, что „увѣренность“ въ данномъ случаѣ была лишь вѣжливымъ способомъ предостеречь правительство, что его дипломатическія и военныя средства могутъ оказаться некоординированными „своевременно“. Это опасеніе впослѣдствіи оправдалось, что и констатировалъ ораторъ фракціи въ своей рѣчи 28 іюля 1915 г.

По поводу мнѣнія фракціи о необходимости пріобрѣтенія проливовъ она подвергалась слѣва обвиненіямъ въ „имперіализмѣ“. Полный и исчерпывающій отвѣтъ на это обвиненіе, къ сожалѣнію, не можетъ быть данъ въ рамкахъ настоящаго отчета. Пишущій эти строки неоднократно давалъ его въ публичныхъ лекціяхъ и въ статьяхъ, къ которымъ онъ и отсылаетъ читателей. Здѣсь же приходится ограничиться утвержденіемъ, что для современнаго государства, призваннаго жить и развиваться въ эпоху, когда пора стараго „континентализма“ прошла окончательно, обладаніе свободнымъ моремъ есть насущнѣйшая и органическая потребность. Пріобрѣтеніе проливовъ есть завершеніе органическаго роста государства, а не вступленіе на путь „имперіализма“; это конецъ вѣкового историческаго процесса, а не начало чего либо новаго. Даже въ случаѣ неудачи въ данное время, національная задача, все равно, останется и будетъ вызывать постоянное напряженіе народныхъ средствъ. Но давный

*) Это заявленіе, между прочимъ, вызвало недовольство среди украинцевъ т. к. въ рѣчи С. Д. Сазонова заключалось заявленіе „объ искусственномъ поддержаніи украинскаго движенія въ Галиціи на присылаемыя изъ Берлина деньги“, оставшееся такимъ образомъ безъ возраженія. Но мнѣніе фракціи о политикѣ правительства въ Галиціи было высказано неоднократно—между прочимъ, и за день до засѣданія 27 января, въ закрытомъ совѣщаніи съ кабинетомъ. Въ данномъ же случаѣ общее содержаніе и тонъ рѣчи не дозволяли коснуться этого обстоятельства.

моментъ, по тому сочетанію союзовъ, съ которымъ мы выступили, и при томъ сочувственномъ отношеніи союзниковъ, какое складывается въ пользу осуществленія нашей національной задачи, является моментомъ исключительно благопріятнымъ. Русское общественное мнѣніе—и въ частности фракція народной свободы—уже много сдѣлали, чтобы популяризировать среди нашихъ союзниковъ мысль о важности для Россіи окончательнаго рѣшенія вопроса. Взглядъ фракціи на вопросъ о проливахъ сталъ извѣстенъ за-границей и оказалъ положительное вліяніе, подтверждаемое и яростными нападками германской и австрійской печати. Нападки эти понятны: ибо въ данный моментъ рѣчь идетъ уже не о сохраненіи дальнѣйшаго независимаго существованія Турціи, а о томъ, кто воспользуется ея распадомъ: наши враги, желающіе создать непрерывную „хозяйственную“ территорію отъ Берлина до Багдада и пересѣчь намъ дорогу къ свободному морю, или мы и наши союзники. Такимъ образомъ настоящій моментъ есть не только наиболѣе удобный для рѣшенія вопроса о свободномъ морѣ. Онъ есть, можетъ быть, и послѣдній. Послѣ нѣсколькихъ вѣковъ предварительной борьбы и усилій мы подошли въ данномъ вопросѣ къ рѣшающему моменту, который не можетъ быть пропущенъ безнаказанно.

На этотъ рѣшающій характеръ момента было указано представителемъ фракціи, какъ на основной мотивъ для продолженія войны до конца и до рѣшительной побѣды, во время 3-й военной сессіи, въ засѣданіи 19 іюля 1915 г. Страна, говорилъ ораторъ, „вопреки всему пережитому и перечувствованному, вопреки злораднымъ надеждамъ врага, въ своемъ основномъ чувствѣ, въ той мысли, которая вытѣсняетъ все остальное, сегодня та же, какой была полгода и годъ тому назадъ. Она твердо помнитъ ту великую ставку, которая поставлена передъ нами неумолимыми событіями. Съ одной стороны — прочный миръ и твердый правовой порядокъ въ Европѣ, усмирившей нарушителя этого порядка и мира. Съ другой стороны, „тевтонскій миръ“, основанный на господствѣ и порабощеніи, на міровомъ преобладаніи „избранной“ расы съ ея національной „культурой“. Съ одной стороны—переустройство Европы въ естественныхъ границахъ національностей, съ обезпеченіемъ права и свободы каждой. Съ другой — разгорающіеся аппетиты сухопутныхъ аннексій и колоніальныхъ завоеваній, грозящихъ безконечнымъ рядомъ неисчерпаемыхъ конфликтовъ въ будущемъ. Съ одной стороны — окончательное разрѣшеніе нашей вѣковой національной задачи: выхода къ свободному морю, безъ котораго не можетъ быть закончено строеніе великаго государственнаго организма, безъ котораго организмъ этотъ будетъ постоянно потрясаться судорогами нарушеннаго обмѣна и не выйдетъ изъ чужой зависимости. Съ другой стороны—окончательный захватъ центральными государствами Европы сплошной территоріи отъ Дуная до Персидскаго залива, съ окончательнымъ оттѣсненіемъ насъ въ тотъ заколдованный континентальный кругъ, изъ котораго вывела насъ сильная рука Великаго создателя Петербурга. Господа, въ этой войнѣ все наше прошлое и все наше будущее,—и этимъ, я думаю, все сказано“.

Въ заключительныхъ словахъ рѣчи, опираясь на сказанное, ораторъ призывалъ „здѣсь передъ всей страной, передъ всѣмъ свѣтомъ возобновить нашъ обѣтъ бороться до конца и ничего не щадить для достиженія окончательной побѣды“.

Такимъ образомъ, черезъ всѣ военныя сессіи красной нитью проходитъ одна мысль, „вытѣсняющая все остальное“, и одно „основное чувство“. Фракція сознавала себя частью великой націи въ великую историческую минуту, готова была вложить въ борьбу всѣ свои силы и нести всю отвѣтственность въ мѣру своего участія въ національномъ подвигѣ. Болѣе всего чуждо было ей желаніе остаться въ сторонѣ, въ спокойномъ сознаніи безотвѣтственности.

Естественно, что этой основной задачѣ момента она подчинила всѣ свои другія соображенія. И въ этой перспективѣ необходимо разсматривать и судить ея тактику.

Фракція имѣетъ основаніе думать, что она не ошиблась. Тѣ, для кого она предназначала свои сознательныя усилія — и прежде всего армія — эти усилія оцѣнили. Партія, сыгравшая рѣшающую роль въ установленіи „единодушія“ Думы и общественнаго мнѣнія, тѣмъ самымъ сразу разрушала преграды партійныхъ предразсудковъ, старыхъ упрековъ и клеветъ, стоявшія на ея пути. Партію поняли такъ полно и широко, какъ никогда не понимали раньше. Быть можетъ, многіе и узнали партію впервые въ обстановкѣ этой національной борьбы. Ея установившаяся репутація идейной и оппозиціонной партіи помогла перенести на всю Думу представленіе о высшей инстанціи, на судъ и контроль которой должны быть отданы поступки отвѣтственныхъ лицъ. Нельзя, разумѣется, утверждать, что все это сдѣлала только фракція народной свободы. Но что, при данной обстановкѣ, фракція сыграла большую роль въ созданіи этого общаго результата, едва ли подлежитъ сомнѣнію.

Собственно, впечатлѣніе было произведено съ первой минуты, съ тѣхъ поръ, какъ отчетъ о засѣданіи 26 іюля въ милліонѣ экземпляровъ былъ распространенъ оффиціально въ странѣ и въ рядахъ арміи. Это широкое распространеніе, явившееся проводникомъ вліянія Гос. Думы непривычнымъ способомъ въ непривычные круги, было первымъ политическимъ плодомъ той тактики, на которой фракція народной свободы сошлась почти со всѣми остальными фракціями Гос. Думы. Нѣсколько обособленное положеніе, которое уже тогда заняли оба крайніе фланга Думы по отношенію къ указанной тактикѣ и, въ результатѣ этого обособленія фактовъ, сближеніе среднихъ фракцій подготовило и дальнѣйшія практическія послѣдствія, сказавшіяся потомъ.

V.

Министерство Маклакова и Щегловитова не съумѣло оцѣнить усилій, сдѣланныхъ обществомъ для поддержанія національнаго единенія. То, что было перемиріемъ, они поняли, какъ капитуляцію, развязывавшую имъ руки. Эта облегченная свобода дѣйствій тотчасъ сказалась на усиленіи націоналистической политики и на особенной недовѣрчивости ко всѣмъ общественнымъ начинаніямъ, связаннымъ съ войной. Противникамъ тактики к.-д. „слѣва“ эта политика власти также облегчила борьбу. Не выждая тѣхъ послѣдствій, на которыя эта тактика была разсчитана, они указывали на факты, всѣмъ извѣстные и всѣхъ волновавшіе,—и старались доказать, что эти факты и есть то послѣдствіе, къ которому привела тактика к.-д. Слѣдовательно, выводили они, эта тактика должна быть немедленно измѣнена. Общество должно „прервать молчаніе“ и заговорить громко. Оно должно заговорить не о войнѣ (о ходѣ которой въ первое время очень мало было извѣстно), а о тѣхъ самыхъ внутреннихъ вопросахъ, которые „отложены“ к.-д. и рѣшеніе которыхъ въ правительственномъ смыслѣ лишаетъ общество возможности спокойно сосредоточиться на мыслѣ о войнѣ и на подготовкѣ побѣды. Въ особенности, изъ провинціи приходили вѣсти, свидѣтельствовавшія о томъ, какъ трудно было, при этихъ условіяхъ, закрѣпить настроеніе въ стадіи того стихійнаго порыва, которымъ ознаменовалось повсемѣстно начало войны. И, конечно, тѣ, кто понялъ тактику к.-д., какъ результатъ нѣкотораго договора, спѣшили констатировать его несоблюденіе и объявить договоръ нарушеннымъ. Болѣе рѣзко настроенные прямо обвиняли фракцію въ недальновидности, въ наивной довѣрчивости и приглашали ее сознаться открыто въ „ошибкѣ“, въ которой запираться и упорствовать становится безполезно. Прямые противники к.-д. уже спѣшили использовать эту „ошибку“, стараясь дискредитировать партію на мѣстахъ.

Всѣ эти настроенія должны были вернуться въ центръ и подвергнуться обсужденію при подготовкѣ новой сессіи Гос. Думы. При этомъ фракціи к.-д. приписывалась мысль о томъ, что ея представители вовсе не желаютъ скорѣйшаго созыва Гос. Думы и оттягиваютъ свой разсчетъсъ настроеніями избирателей на мѣстахъ.

До какой степени неправильно и несправедливо было это обвиненіе, видно уже изъ того, что именно при содѣйствіи представителей фракціи к.-д. созывъ Гос. Думы былъ вообще ускоренъ и предполагавшаяся значительная отсрочка была очень сильно сокращена. Когда совѣтъ старѣйшинъ собрался въ кабинетѣ предсѣдателя Гос. Думы передъ открытіемъ сессіи 26 іюля 1914 г., его участники съ изумленіемъ узнали отъ М. В. Родзянко, что имѣется въ виду не созывать Гос. Думы до ноября 1915 года, т. е. въ теченіе болѣе года. О настроеніи, вызванномъ этимъ рѣшеніемъ, можно судить по редакціонной замѣткѣ „Рѣчи" отъ 24 іюля. „Мы никакъ не хотимъ вѣрить, говорилось здѣсь, чтобы рѣчь могла идти серьезно о подобномъ планѣ... При этомъ нарушалась бы ст. 98 Осн. Зак., говорящая о „ежегодномъ" созывѣ Гос. Думы, и остался бы безъ обсужденіи Гос. Думы бюджетъ и контингентъ 1915 г... Такая мѣра стояла бы въ слишкомъ рѣзкомъ противорѣчіи и съ самымъ смысломъ созыва Гос. Думы въ настоящее время, т. е. съ намѣреніемъ поддержать и укрѣпить „единеніе съ народомъ"... Чрезвычайныя обстоятельства скорѣе требовали бы сохраненія постоянной возможности назначить засѣданіе собравшейся Гос. Думы, какъ только это потребуется событіями. Но, во всякомъ случаѣ, даже если бы сочтено было излишнимъ содержать членовъ Г. Думы въ столицѣ на случай, который можетъ и не представиться, естественнѣе всего было бы сохранить нормальный срокъ созыва, 15 октября".

Эти самыя соображенія были тогда же развиты въ совѣтѣ старѣйшинъ П. Н. Милюковымъ и единодушно поддержаны представителями всѣхъ фракцій, включая депутата А. Н. Хвостова (потомъ министра внутреннихъ дѣлъ). „Депутаты (цитируемъ по „Рѣчи" 26 іюля) съ изумительнымъ единодушіемъ признали эту мѣру правительства несоотвѣтствующей настроенію Гос. Думы и страны. Депутація изъ семи лицъ (Милюкова, Коновалова, Алексѣенко, Варунъ-Секрета, Антонова, Шеина и Хвостова) немедленно посѣтила по этому поводу А. В. Кривошеина. Депутаты изложили министру свое твердое мнѣніе о непріемлемости этой мѣры, причемъ представители оппозиціи и крайней правой (первыми говорили А. Н. Хвостовъ и П. Н. Милюковъ) проявили одинаковую степень убѣжденности въ невозможности столь долгаго перерыва... А. В. Кривошеинъ обѣщалъ немедленно доложить совѣту министровъ заявленіе депутатовъ".

Въ результатѣ этихъ переговоровъ и состоялось назначеніе срока — не того, на которомъ настаивали депутаты, т. е. 15 октября 1914 г., но все же гораздо болѣе близкаго, чѣмъ предположенный,—именно „не позднѣе" 1 февраля 1915 г.

Разногласія съ лѣвыми, а отчасти и въ средѣ самихъ к.-д. послѣ этого происходили не столько по вопросу о скорѣйшемъ созывѣ законодательныхъ учрежденій, сколько по вопросу о цѣли этого созыва и о с п о с о б а х ъ ускорить его приближеніе. Въ духѣ принятой общей тактики, большинство ц. к. и фракціи к.-д. не находило возможнымъ ускорять сессію для открытой борьбы съ правительствомъ и прибѣгать при этомъ къ тѣмъ пріемамъ воздѣйствія, которые рекомендовались сторонниками другого мнѣнія, („меморандумъ", „петиція" и т. д.) и которые представлялись большинству имѣющими болѣе демонстративный, чѣмъ дѣйствительно практическій характеръ. Серьезный разговоръ о предстоящей сессіи начался только въ январѣ 1915 года, при приближеніи крайняго срока, назначеннаго указомъ. Къ этому моменту нетерпѣніе и

нервность общества значительно возросли, тѣмъ болѣе, что съ фронта все чаще стали приходить извѣстія о техническихъ недостаткахъ и пробѣлахъ, ставшихъ впослѣдствіи общеизвѣстными. Въ это время, однако, они извѣстны были лишь очень ограниченному кругу лицъ и говорить о нихъ публично представлялось невозможнымъ. Точно также трудвымъ казалось выносить на высоту парламентской трибуны критику правительственнаго курса, направленіе и характеръ котораго къ этому времени вполнѣ опредѣлились. Открытая критика при тогдашнемъ общемъ положеніи въ странѣ и на фронтѣ, при неукрѣпившемся еще достаточно представленіи въ широкихъ кругахъ о значеніи новой тактики фракціи, могла бы оказать дѣйствіе, обратное тому, которое имѣлось въ виду. Нападки оппозиціи на нежелательные элементы правительства, положеніе которыхъ уже начало колебаться, могли бы только укрѣпить и упрочить ихъ положеніе. Съ другой стороны, такая критика, не принеся непосредственной пользы странѣ, могла бы быть использована прессой враждебныхъ странъ, зорко слѣдившей за всѣми признаками внутренняго распада.

Вотъ почему партійныя учрежденія, несмотря на требованія болѣе лѣвыхъ круговъ, поддерживавшихся и настроеніемъ провинціи, послѣ обстоятельнаго обсужденія рѣшили въ предстоявшую сессію продолжать тактику, начатую въ сессіи 26 іюля. Это не значило, однако, что партія и фракція налагають на себя обязательство абсолютнаго молчанія. Въ границахъ дозволеннаго цензурой близкая къ партіи печать, въ сущности, уже подняла всѣ тѣ вопросы, отношеніе къ которымъ власти вызвало недовольство въ странѣ. Она подняла также и тѣ большой важности вопросы, которые находились въ связи съ нашими національными задачами въ этой войнѣ. Вопросы польскій, еврейскій, украинскій, армянскій были обсуждены уже осенью и зимой 1914 г. въ партійныхъ учрежденіяхъ и печати. Вопросы внутренней политики въ тѣсномъ смыслѣ тогда вообще не могли обсуждаться печатно, и отдѣльныя попытки нарушить общій запретъ были остановлены тяжелыми штрафами.

VI.

Сессія Гос. Думы открывала возможность шире коснуться этихъ послѣднихъ вопросовъ. Фракція воспользовалась этой возможностью во всей той мѣрѣ, въ какой это не нарушало общей линіи ея тактики. Въ торжественномъ засѣданіи 27 января декларація фракціоннаго оратора была выдержана въ тонѣ выступленій, разсчитанныхъ на самую широкую гласность внутри и внѣ предѣловъ Россіи. Здѣсь рѣзко была подчеркнута связь поведенія фракціи съ „обѣтомъ", даннымъ полгода назадъ. То новое, что было здѣсь сказано, состояло въ торжественномъ заявленіи, что война ведется народомъ, что „дѣло войны есть собственное дѣло" націи, сознавшей свое единство,—дѣло, „за исходъ котораго она сама отвѣтственна". Указано было и то, что „ряды войскъ смѣшались съ рядами гражданства", что „армія стала народомъ". Смыслъ обѣта „хранить, какъ зеницу ока, какъ величайшее національное сокровище, духовное единство націи" становился ясенъ въ связи съ этими указаніями. Съ гордостью фракція могла сказать: „мы (съ удареніемъ на этомъ словѣ) этотъ обѣтъ исполнили". Но мы исполвили его, прибавилъ ораторъ фракціи, какъ дѣйствіе, „свободное и независимое отъ какого бы то ни было образа дѣйствій власти", — какъ „твердое рѣшеніе гражданина", а не какъ „жестъ политика". Этимъ еще разъ подчеркивался основной смыслъ позиціи, занятой фракціей и противоположной всѣмъ понятіямъ о „договорѣ" или „торгѣ" съ правительствомъ и о сдѣланной будто бы при этомъ „ошибкѣ" разсчета. Этимъ же фракція отклоняла отъ себя, вмѣстѣ съ солидарностью, и всякую

отвѣтственность за „образъ дѣйствій власти“. Въ бѣглыхъ намекахъ указано было и на военные „недочеты“, покрываемые „безпредѣльнымъ самоотверженіемъ, безграничной выносливостью, неисчерпаемой бодростью“ русскаго солдата, и на „тяжелое положеніе однихъ“ національностей, на „испытанія, пережитыя другими“, которыя, однако, „не ослабили ихъ связи съ родной страной“ и не заставили забыть о „великой общей нашей задачѣ“.

Общимъ выступленіемъ декларативнаго характера фракція не ограничилась. Она постаралась, рядомъ съ нимъ, найти исходъ общей потребности высказаться по наболѣвшимъ вопросамъ внутренней жизни. Первую возможность для этого давали засѣданія бюджетной комиссіи, которая открыла свои занятія по общему желанію ея членовъ уже съ 7 января 1915 г., не дожидаясь формальнаго указа о началѣ сессіи. По настоянію представителей фракціи к.-д. было рѣшено разсматривать бюджетъ серьезно и подробно съ представителями всѣхъ вѣдомствъ (было и противоположное мнѣніе). За краткостью остававшагося срока рѣшено было только измѣнить порядокъ обсужденія, начавъ прямо съ доходной части смѣты и тѣмъ давъ возможность сразу же открыть общія пренія по бюджету. Въ печать проникла лишь очень малая доля того, что говорилось въ бюджетной комиссіи. Но и по тому, что проникло, легко видѣть, что здѣсь фракція не стѣснялась рамками, которыя ставила сама себѣ, по изложеннымъ причинамъ, въ открытомъ и торжественномъ засѣданіи. 12-го января начались общія пренія. Въ самомъ началѣ ихъ А. И. Шингаревъ произнесъ большую рѣчь, въ которой коснулся и вопросовъ внутренней политики. Такимъ образомъ, выступленія А. Ф. Керенскаго и Н. С. Чхеидзе съ большими политическими рѣчами на слѣдующій день, въ самомъ концѣ общихъ преній, во всякомъ случаѣ не были первыми и единственными, какъ это иногда утверждаютъ ихъ сторонники, желая почему-то сдѣлать изъ этого упрекъ к.-д. Для печати политическая сторона рѣчей и к.-д., и с.-д., оказалась одинаково недоступной. Въ дальнѣйшихъ преніяхъ по отдѣльнымъ статьямъ члены фракціи к.-д. затронули цѣлый рядъ вопросовъ внутренняго характера, такъ или иначе связанныхъ съ бюджетомъ.

Но рамки бюджетныхъ преній были слишкомъ тѣсны для широкой политической постановки рѣчей. Фракція рѣшила перенести ихъ въ закрытое совѣщаніе съ кабинетомъ, назначенное, по предложенію М. В. Родзянко, на вечеръ 25 января. Здѣсь, въ присутствіи кабинета въ полномъ составѣ, произошелъ тотъ обмѣнъ мнѣній, о которомъ ораторъ фракцій разсказалъ потомъ въ засѣданіи Г: Думы 19 Іюля. П. Н Милюковъ началъ свою рѣчь съ указанія на необходимость съ величайшей заботливостью хранить внутреннее единство. Вмѣсто этого, говорилъ онъ, возникаютъ и усиливаются „центробѣжныя стремленія“. Онъ прослѣдилъ далѣе условія ихъ возникновенія — въ политикѣ относительно печати и въ отношеніи къ національнымъ вопросамъ. Вынужденное молчаніе прессы роняетъ ея авторитетъ и лишаетъ ее возможности играть регулирующую роль въ поддержаніи общественнаго настроенія, такъ ярко сказавшагося въ началѣ войны. Спокойное обсужденіе вопросовъ замѣняется толками и слухами, волнующими общество. Настроеніе національностей портится благодаря узко-націоналистической политикѣ, которая, несмотря на войну, осталась неизмѣнной. За-границей — и даже среди нашихъ союзниковъ возбуждаетъ недоумѣніе примѣненіе этой политики къ Финляндіи. Случай съ Бурцевымъ бросаетъ невыгодный для насъ свѣтъ на наши внутреннія отношенія. Въ Галиціи ведется политика, которую ораторъ охарактеризовалъ цѣлымъ рядомъ фактовъ относительно преслѣдованій національно-культурныхъ особенностей мѣстнаго украинскаго населенія. Другой рядъ фактовъ свидѣтельствовалъ о тенденціяхъ въ еврейскомъ вопросѣ, начавшихъ тогда выясняться. Наконецъ

ораторъ остановился на противорѣчіи между фактами и обѣщаніями, данными полякамъ, и настаивалъ на скорѣйшемъ проведеніи законодательнымъ путемъ автономіи Царства Польскаго. Указавши далѣе на благопріятное впечатлѣніе, произведенное назначеніемъ гр. Игнатьева, П. Н. Милюковъ высказалъ пожеланіе, чтобы перемѣны на этомъ не остановились и указалъ на ту изъ нихъ, которая была-бы наиболѣе популярна и скорѣе всего успокоила бы общественное мнѣніе (отставка Н. А. Маклакова). Онъ указалъ также на необходимость акта, о которомъ еще полгода передъ тѣмъ говорилъ А. Н. Хвостовъ: объ актѣ милосердія и забвенія, который давно ожидался за-границей и произвелъ бы на нашихъ союзниковъ наилучшее впечатлѣніе. Наконецъ, онъ указывалъ на необходимость смягченія цензурныхъ ограниченій, ссылаясь также на опытъ союзныхъ съ нами странъ.

А. И. Шингаревъ въ обширной рѣчи, богатой фактическими данными, охарактеризовалъ политику министра внутреннихъ дѣлъ и въ особенности его отношеніе къ общественнымъ начинаніямъ, связаннымъ съ войной.

„То, что намъ отвѣтили, говорилъ П. Н. Милюковъ 19 Іюля, насъ не успокоило. Сущность этого отвѣта была та, что власть обойдется и безъ нашихъ совѣтовъ, и безъ нашего сотрудничества“. Въ этомъ именно совѣщаніи 25 января военный министръ „обманулъ Г. Думу, давши на ея вопросы невѣрныя свѣдѣнія“. А. министръ внутреннихъ дѣлъ “дерзко заявилъ, что правительство не боится правды и вызывалъ насъ сказать эту страшную правду, тогда еще неизвѣстную врагу, въ открытомъ засѣданіи Г. Думы, только для того, чтобы заподозрить нашъ патріотизмъ, укрѣпить свое личное положеніе“... Понимая этотъ мотивъ, ораторы фракціи намѣренно не отвѣтили на вызовъ министра. Тактика фракціи и въ этомъ случаѣ оказалась правильной, подготовивъ паденіе членовъ кабинета, на которыхъ въ засѣданіи бюджетной комиссіи 12 января П. Н. Милюковъ прямо указалъ, какъ на „германофиловъ“.

Январская сессія Г. Думы чрезвычайно укрѣпила ея авторитетъ и усилила ея значеніе. То, что 26 Іюля могло казаться преходящимъ порывомъ, послѣ 27 января представилось сознательной и планомѣрной системой. Сдержанность явилась въ данномъ случаѣ не только признакомъ, но и источникомъ силы. Послѣ однодневной сессіи 26 іюля перерывъ въ занятіяхъ Г. Думы представлялся нежелательнымъ сравнительно небольшому кругу лицъ. Напротивъ, послѣ четырехдневной сессіи 27 января общее впечатлѣніе было, что сессія — не по своей винѣ, конечно — не исполнила своего назначенія. Вмѣстѣ съ авторитетомъ Г. Думы окрѣпло представленіе и о необходимости длительной сессіи. Срокъ—„не позднѣе ноября“ (на этотъ разъ безъ обозначенія числа)—казался слишкомъ отдаленнымъ. Наконецъ, не прошло незамѣченнымъ и разногласіе Г. Думы съ министрами. Формальнаго конфликта не могло быть уже вслѣдствіе краткости сессіи. Но осталось впечатлѣніе, что при встрѣчѣ тѣхъ же лицъ съ Г. Думой того же состава конфликтъ неизбѣжно откроется вновь, въ обостренной формѣ,—и что въ этомъ будетъ виновата не Г. Дума.

VII.

Все это создавало совершенно иную обстановку, нежели та, которая предшествовала сессіи 27 января. И естественно, что взоры и ожиданія всей страны обратились къ Г. Думѣ, когда стали обнаруживаться послѣдствія техническихъ недочетовъ, о которыхъ Дума заговорила уже въ закрытыхъ засѣданіяхъ январьской сессіи. Съ конца апрѣля наши неудачи на театрѣ войны уже нельзя было долѣе скрывать. На нихъ указывали самыя географическія имена мѣстностей, мѣнявшіяся по мѣрѣ нашего отступленія. Въ причинахъ

Доклад Ц. К. к конференции 6—8 VI 1915

отступленія общественное мнѣніе разобралось не сразу. Тѣмъ настойчивѣе и преувеличеннѣе высказылось народная молва, начинавшая громко говорить объ „измѣнѣ". Арестъ Мясоѣдова далъ богатую пищу толкамъ. Недовѣріе росло и естественно обращалось противъ наличнаго состава кабинета. Среди общей переоцѣнки цѣнностей, одна Г. Дума стояла твердо, и на нее все болѣе и болѣе переносились всѣ упованія. Создалось то настроеніе, которое формулировалъ докладъ Центральнаго Комитета, подготовлявшійся въ маѣ къ очередной конференціи к.-д. „Никто не думалъ объ уступкахъ, никто не просилъ о мирѣ. Но именно эта бодрость настроенія и прочность надеждъ заставляла особенно настойчиво требовать" публичнаго раскрытія причинъ нашихъ неудачъ и „принятія немедленныхъ мѣръ для исправленія недостатковъ. Пусть война затянется, но пусть будетъ надежда, что условія борьбы измѣнятся къ лучшему: тогда можно будетъ ждать и бороться. Пусть, однако, прежде всего создастся всенародная, общая увѣренность, что недостатки извѣстны и что мѣры приняты. Пусть это будетъ заявлено во всеуслышаніе, какъ во всеуслышаніе заявлено и о голомъ фактѣ нашихъ неудачъ. Пусть будетъ для всѣхъ ясно, кто въ этихъ неудачахъ виноватъ, чтобы было ясно и то, что армія въ этомъ не виновата". Въ рѣчи оратора фракціи 19 іюля это же самое настроеніе, за два мѣсяца еще болѣе сгустившееся, было выражено въ словахъ: „сегодня мы собрались въ годину тяжкихъ испытаній для родины. Патріотическая тревога народныхъ представителей оказалась, къ несчастью, вполнѣ основательной. Тайное стало явнымъ и всѣ успокоенія оказались только словами. Страна словами удовлетвориться не можетъ. Народъ хочетъ самъ теперь приняться за дѣло и исправить упущенное. Въ насъ онъ видитъ первыхъ законныхъ исполнителей своей воли. И онъ посылаетъ теперь насъ сюда съ другимъ опредѣленнымъ наказомъ: сказать власти всю правду о странѣ, узнать для страны всю правду о власти и сдѣлать то, что осталось ею недодѣланнымъ".

Соотвѣтственно этому настроенію тактическій докладъ Ц. К. въ маѣ такъ опредѣлялъ задачу фракціи. „Ея цѣль остается прежней; поддержаніе въ населеніи бодрости и рѣшительности бороться до конца. Но достигнуть этой цѣли можно теперь лишь однимъ способомъ: возродивъ въ народѣ твердую увѣренность въ томъ, что тѣ недостатки наши, которые лежатъ въ основѣ военныхъ неудачъ, будутъ быстро и радикально устранены и что армія будетъ въ состояніи довести дѣло до полной и рѣшительной побѣды".

Далѣе докладъ констатировалъ, что по отношенію къ тогдашнему составу кабинета „въ рядовомъ обывателѣ проявляется не только чувство недовѣрія, но и чувство остраго озлобленія и негодованія". Онъ вѣритъ Г. Думѣ—и даже преувеличиваетъ ея силу, возлагая на нее надежды „не только, какъ на законодательное и контролирующее учрежденіе, но и какъ на органъ, обладающій еще и учредительной, и исполнительной властью". Предвидя возможность разочарованія, къ которому можетъ привести такое преувеличеніе, докладъ, однако, признавалъ, что страной руководитъ „вѣрный инстинктъ"; ибо „разочарованіе въ бюрократіи и обращеніе къ силамъ общественности не можетъ не быть въ то же время и обращеніемъ къ Г. Думѣ, единственному организованному центру національной воли и мысли", несмотря на узкія рамки ея компетенціи и ея узко цензовой составъ. „Въ Г. Думѣ народъ хочетъ услышать, прежде всего, знакомый ему голосъ его представителей. Отъ нихъ ждутъ открытаго, полнаго діагноза болѣзни и столь же публичнаго леченія... Оставаясь въ предѣлахъ своей контролирующей власти, Г. Дума имѣетъ возможность призвать правительство къ исполненію его долга и указать всенародно, въ чемъ этотъ долгъ заключается. Конечно, можетъ не помочь и это средство, но оно послѣднее, и прибѣгнуть къ нему необходимо". Докладъ признавалъ,

что „понимаемая такимъ образомъ цѣль созыва Г. Думы сильно отличается отъ цѣли прежнихъ созывовъ 26 іюля и 27 января“, которые „принесли въ свое время громадную пользу“. „Но именно потому, что эта польза уже принесена—и сказалась въ высокомъ уваженіи народа и арміи къ Г. Думѣ, Г. Дума обязана теперь строить далѣе на твердомъ, ею же созданномъ, фундаментѣ народнаго довѣрія... Теперь, когда рѣчь идетъ о мобилизаціи всѣхъ силъ страны, необходимо болѣе, чѣмъ когда-нибудь, сдѣлать народъ сознательнымъ участникомъ общаго дѣла“.

Отсюда докладъ выводилъ, прежде всего, что новая сессія Г. Думы „должна быть длительной и не можетъ ограничиться демонстративными засѣданіями“. Далѣе, Г. Дума должна дѣйствовать согласованно съ правительствомъ, а для этого данный составъ кабинета долженъ быть измѣненъ. „Потребность смѣны правительства чувствуется въ населеніи не менѣе широко, чѣмъ потребность въ созывѣ Г. Думы. Очень часто эта потребность принимаетъ форму требованія объ образованіи отвѣтственнаго министерства“.

Докладъ останавливался на анализѣ этого понятія и доказывалъ, что въ устахъ большинства требующихъ „отвѣтственнаго министерства“ терминъ этотъ имѣетъ болѣе обывательскій, чѣмъ юридическій характеръ. „Отвѣтственность министерства въ смыслѣ политическомъ по нашимъ основнымъ законамъ не существуетъ и можетъ быть осуществлена или путемъ измѣненія текста закона, или—что гораздо чаще наблюдается въ исторіи конституціонализма—путемъ созданія неписанной практики. Партія народной свободы не исключала ни одного изъ этихъ двухъ способовъ осуществленія политической отвѣтственности министровъ. Но она представляла себѣ это осуществленіе въ такой обстановкѣ, при которой станутъ возможны и другія существенныя реформы, безъ которыхъ немыслимо правильное функціонированіе народнаго представительства: измѣненіе избирательнаго закона и коренная реформа Гос. Совѣта. Провести одну только „отвѣтственность“ значило бы снять одинъ изъ „трехъ замковъ“, не трогая остальныхъ двухъ. Лучше сказать, такая одиночная реформа, при противорѣчащей ей остальной политической обстановкѣ, просто была бы невозможна. Партія, разумѣется, никогда не отказывалась отъ борьбы противъ всѣхъ „трехъ замковъ“, запирающихъ представительство отъ народа и власти—и даже особенно настойчиво повторяла свой лозунгъ въ 4-й Думѣ наканунѣ настоящей войны. Но, отложивъ внутреннюю борьбу до заключенія мира, она вмѣстѣ съ тѣмъ отложила и борьбу за эти три лозунга. Это, конечно, не значитъ, что, отказываясь въ данный моментъ отъ требованія „отвѣтственнаго министерства“ въ *своемъ* смыслѣ (т. е. въ смыслѣ парламентаризма) партія отказывается вообще отъ требованія о смѣнѣ министерства. Напротивъ, мы только что выставили это требованіе, какъ насущное, неотложное, вытекающее изъ условій создавшагося опаснаго положенія“.

Исходя изъ условій русской политической жизни, докладъ отказывался требовать и „коалиціоннаго“ министерства. „Понятіе коалиціоннаго министерства, говорилось въ докладѣ, предполагаетъ наличность нѣсколькихъ политическихъ партій, такъ сказать, равноправныхъ въ политическомъ отношеніи, т. е. привыкшихъ мѣняться мѣстами въ роли то правительства, то оппозиціи. У насъ противополагается не одна партія другой, правительственная оппозиціонной. У насъ противопоставляются бюрократія и общество. Этого рода борьба болѣе глубока и серьезна, ибо это есть борьба настоящаго съ прошлымъ, а не борьба за разное пониманіе задачъ настоящаго. Такимъ образомъ и понятіе „коалиціи“, соединенія силъ, столь неравныхъ, получитъ иной смыслъ въ приложеніи къ соединенію бюрократіи и общества. Въ такого рода соединеніи можно быть увѣреннымъ, что сила останется на сторонѣ бюрократіи, за которой стоитъ

весь громадный, хотя и громоздкій, но все же налаженный на работу чиновничій механизмъ, съ его традиціей и рутиной. На долю же общественныхъ элементовъ можетъ достаться представительство кабинета передъ обществомъ— отвѣтственность, не сопровождаемая властью. Очевидно, такое неравномѣрное распредѣленіе не соотвѣтствуетъ понятію коалиціи".

Впослѣдствіи указанная здѣсь форма объединенія одно время намѣчалась въ формѣ введенія въ совѣтъ министровъ особыхъ министровъ безъ портфеля. Исходя изъ только что изложенныхъ соображеній, фракція отнеслась къ этого рода сліянію бюрократіи съ общественностью совершенно отрицательно.

Въ обществѣ распространена была еще одна формула той же идеи: „министерство общественныхъ дѣятелей". Докладъ указывалъ, что „не всякій общественный дѣятель, какъ таковой, можетъ заслужить довѣріе общества, а съ другой стороны нельзя отрицать возможность призванія бюрократа, который способенъ заслужить довѣріе общества". Такъ какъ то, что привлекаетъ въ этой формулѣ — „министерство общественныхъ дѣятелей",—есть именно предположеніе о возможности довѣрія къ подобному министерству, то лучше было бы „прямо замѣнить признакъ общественности признакомъ довѣрія и говорить о министерствѣ общественнаго довѣрія". „Говоря объ общественномъ довѣріи, а не о довѣріи большинства Г. Думы, мы тѣмъ самымъ придаемъ понятію отвѣтственности моральный характеръ, а не юридическій. Министерство, пользующееся довѣріемъ населенія—вотъ то, чего въ сущности требуетъ теперь страна. Это—идеалъ, приближенія къ которому мы должны добиваться". Преимущество такой постановки заключалось одновременно и въ большей достижимости такъ поставленнаго требованія, и въ большемъ соотвѣтствіи его съ „основнымъ принципомъ, установленнымъ въ юлѣ прошлаго года—не торговаться съ властью". „Теперь, какъ въ январѣ, мы указываемъ власти исходъ. Повліять на нее, понудить ее избрать этотъ исходъ мы безсильны. Наша сила въ данномъ случаѣ есть сила очевидности, сила общаго обсужденія, сила фактовъ, говорящихъ сами за себя. Правительство, идущее наперекоръ этой силѣ, беретъ на себя слишкомъ тяжелую отвѣтственность. Правительству, которое уступаетъ, мы не говоримъ: вотъ тѣ, кто васъ замѣнитъ. Мы не говоримъ этого потому, что наши указанія въ данную минуту едва ли будутъ использованы, а за чужія рѣшенія мы отвѣчать не можемъ. Мы говоримъ, напротивъ: вотъ что вы должны дѣлать. Тѣ изъ васъ, которые, по горькому опыту и убѣжденію партіи, этого дѣлать не могутъ и не хотятъ,— уйдите. Тѣ, кто замѣнитъ ушедшихъ, пусть именемъ и дѣятельностью заслужитъ общественное довѣріе. Тогда общественное самочувствіе сразу поднимется на высоту, съ которой начало падать".

VII.

Серьезный приступъ къ осуществленію изложенныхъ здѣсь идей былъ сдѣланъ въ двадцатыхъ числахъ мая, когда только что возвратившійся съ галиційскаго фронта предсѣдатель Г. Думы собралъ наличныхъ членовъ думскаго комитета для помощи раненымъ и изложилъ имъ свои впечатлѣнія о причинахъ нашихъ неудачъ. Тогда же онъ сообщилъ о мѣрѣ, которая, по его докладу 19 мая удостоилась Высочайшаго одобренія: объ учрежденіи, подъ предсѣдательствомъ военнаго министра, особаго комитета по надзору за распредѣленіемъ и выполненіемъ казенныхъ заказовъ. Въ составъ этого комитета введены были предсѣдатель Г. Думы и члены президіума (А. Д. Протопоповъ и И. И. Дмитрюковъ), а также докладчикъ по военнымъ смѣтамъ Н. В. Савичъ.

Сообщеніе М. В. Родзянко въ совѣщаніи 22 мая вызвало оживленный обмѣнъ мнѣній—какъ о той мѣрѣ для восполненія пробѣловъ обороны, о которой онъ сообщилъ, такъ и о болѣе нормальномъ способѣ разрѣшенія волновавшихъ всѣхъ вопросовъ—именно о созывѣ въ ближайшій срокъ Г. Думы. Къ участію предсѣдателя Г. Думы въ созданіи совѣщанія представители лѣвыхъ фракцій отнеслись рѣзко отрицательно, тогда какъ представители фракціи к.-д. отнеслись положительно, считая, что необходимость исправленія замѣченныхъ непорядковъ въ дѣлѣ обороны такъ спѣшна и неотложна, что нельзя пренебрегать никакими средствами ускорить это исправленіе зависящими отъ членовъ Г. Думы и ея предсѣдателя. Относительно необходимости скорѣйшаго созыва Г. Думы не было разногласій. Первый заявилъ объ этомъ И. Н. Ефремовъ, его поддержалъ П. Н. Милюковъ, за которымъ послѣдовалъ А. Ф. Керенскій. Съ ними согласились и всѣ остальные участники совѣщанія. Однако, въ печати обсужденіе вопроса о созывѣ Г. Думы было строго запрещено, и извѣстія о совѣщаніи членовъ думскаго комитета появились только въ московскихъ газетахъ, притомъ въ неточномъ изложеніи. Черезъ нѣсколько дней, 28 мая, эта плотина прорвалась. Съѣздъ представителей торговли и промышленности принялъ резолюцію, что „принятіе и проведеніе въ жизнь исключительныхъ мѣръ и общее положеніе страны требуютъ немедленнаго созыва законодательныхъ учрежденій“. Послѣ нѣкотораго колебанія, цензура разрѣшила напечатаніе этой резолюціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ открылась возможность печатнаго обсужденія вопросовъ о созывѣ Г. Думы и объ организаціи центральнаго органа для содѣйствія оборонѣ страны. Торгово-промышленный съѣздъ выражалъ общее мнѣніе, предлагая „по примѣру нашихъ союзниковъ“ мобилизовать всѣ промышленныя и торговыя силы страны, „чтобы дать арміи все необходимое и во-время“, и проектируя привлечь въ составъ будущихъ органовъ обороны „представителей земскаго и городского союзовъ, промышленныхъ и торговыхъ организацій и ученыхъ силъ“.

29 мая состоялось новое совѣщаніе депутатовъ въ кабинетѣ предсѣдателя Гос. Думы, подъ предсѣдательствомъ М. В. Родзянко, посвященное вопросу о скорѣйшемъ созывѣ Гос. Думы. Настроеніе въ пользу такого созыва было единодушное и раздѣлялось даже отдѣльными правыми депутатами, присутствовавшими на совѣщаніи. Нѣкоторые изъ послѣднихъ (какъ Скоропадскій, а также октябристъ Милютинъ) полагали только, что нужно предварительно условиться о цѣли созыва и о характерѣ дѣятельности предстоящей сессіи. Представители фракцій лѣвѣе к.-д. также настаивали на томъ, чтобы немедленно сговориться о программѣ сессіи. Очевидно, мотивы тѣхъ и другихъ были различные—и даже противоположные. При раскрытіи ихъ неминуемо возникли-бы непримиримыя разногласія. Поэтому, представители к.-д. предложили отложить обсужденіе характера сессіи до тѣхъ поръ, когда рѣшится самый созывъ, чтобы такимъ образомъ не ставить созывъ или несозывъ Гос. Думы въ зависимость отъ согласія или несогласія съ тѣми или другими мотивами въ пользу этого созыва. М. В. Родзянко, убѣдившись въ полномъ единодушіи депутатовъ относительно скорѣйшаго созыва, согласился предпринять для него предварительныя мѣры. Онъ лишь отказался ограничить себя рамками срока, который непремѣнно хотѣли поставить представители лѣвыхъ. Совѣщаніе 29 мая закончилось рѣшеніемъ—обсудить по фракціямъ вопросъ о немедленномъ созывѣ депутатовъ въ столицу. Фракція к.-д., также какъ трудовики, прогрессисты и земская группа октябристовъ тогда же разослали членамъ соотвѣтствующихъ фракцій циркулярныя приглашенія пріѣхать въ Петроградъ.

Мѣра эта привела къ тому, что ко второй недѣлѣ іюня съѣхались въ столицу болѣе ста депутатовъ. Явилась возможность проводить всѣ рѣшенія по

Конференция 6–8/VI 1916.

фракціямъ и замѣнить безформенное совѣщаніе при комитетѣ о раненыхъ правильными собраніями совѣта старѣйшинъ. Все это, конечно, сразу оживило парламентскую жизнь и сообщило постановленіямъ депутатовъ необходимую авторитетность.

Въ эти самые дни, 6—8 іюня, собралась и очередная конференція партіи народной свободы. Программа ея отличалась отъ обычныхъ конференцій гораздо большей полнотой и систематичностью. Разсчитанная на три дня, конференція занялась въ первый день вопросами финансовыми и экономическими, связанными съ войной, во второй день перешла къ вопросамъ національнымъ и только вечеромъ этого дня приступила къ обсужденію изложеннаго выше тактическаго доклада, пренія по которому заняли весь слѣдующій день. Всѣ недоразумѣнія и сомнѣнія, вызванныя на мѣстахъ „военной" тактикой к.-д. были здѣсь высказаны, обсуждены и выяснены. Огромнымъ большинствомъ конференція присоединилась къ принятой тактикѣ и къ предложеннымъ видоизмѣненіямъ ея въ предстоящей сессіи. О полномъ согласіи этихъ плановъ на будущее съ основными принципами тактики предыдущихъ сессій свидѣтельствуетъ принятая конференціей резолюція.—„Принимая во вниманіе, 1) что переживаемыя серьезныя событія налагаютъ на всѣхъ гражданъ Россіи обязанность сплотиться еще тѣснѣе въ общемъ усиліи довести до побѣдоноснаго окончанія великую войну за свободу народовъ и осуществить поставленные ею на очередь національныя и міровыя задачи, 2) что указанная цѣль можетъ быть достигнута лишь при объединеніи и приведеніи въ дѣйствіе всѣхъ безъ исключенія народныхъ силъ; 3) что, какъ выяснилось съ несомнѣнностью изъ десятимѣсячнаго опыта войны, правительство въ его нынѣшнемъ составѣ оказалось несостоятельнымъ въ дѣлѣ организаціи тыла войны, вслѣдствіе чего самоотверженныя и геройскія усилія доблестныхъ борцовъ за родину не принесли всѣхъ тѣхъ плодовъ, которые они могли бы принести при иныхъ условіяхъ; 4) что ярко проявившееся съ самаго начала войны стремленіе общества объединить всѣ свои силы для поддержки правительства въ дѣлѣ обороны страны столкнулось съ рядомъ правительственныхъ дѣйствій, проникнутыхъ недовѣріемъ къ общественному почину и общественнымъ силамъ, возбуждающихъ національную рознь и несовмѣстимыхъ съ необходимымъ для государства внутреннимъ миромъ; 5) что создавшееся вслѣдствіе указанныхъ условій положеніе находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ жизненными интересами Россіи, — конференція признаетъ необходимымъ для дѣйствительнаго объединенія народныхъ силъ и правильнаго использованія ихъ въ интересахъ защиты родины: 1) образованіе кабинета, способнаго обезпечить правильную организацію тыла войны, соблюденіе внутренняго мира въ странѣ и тѣсное сотрудничество правительства и общества; 2) немедленный созывъ Гос. Думы".

Положительныя задачи сессіи не могли быть съ достаточной подробностью обсуждены на конференціи. Но основныя мысли по поводу программы дѣятельности были высказаны, въ особенности въ рѣчахъ Д. И. Шаховского. Обстоятельныя резолюціи, принятыя конференціей по вопросамъ еврейскому и украинскому очень полно освѣтили отношеніе партійныхъ дѣятелей къ этимъ вопросамъ. По польскому вопросу Ц. К. имѣлъ возможность внести готовый проектъ автономіи Царства Польскаго, составленный Ф. Ф. Кокошкинымъ по порученію Ц. К. и подробно обсужденный въ рядѣ его засѣданій. Прибавимъ, что конференція вынесла рядъ весьма опредѣленныхъ постановленій по вопросамъ о дороговизнѣ, о положеніи финансовъ въ связи съ войной, объ обезпеченіи увѣчныхъ и о перспективахъ земельнаго вопроса и очень хорошо ознакомила фракцію съ положеніемъ дѣлъ и настроеніемъ на мѣстахъ. Этому настроенію предположенія фракціи о тактикѣ въ бли-

жайшей сессіи шли навстрѣчу. Но было несомнѣнно, что часть провинціальныхъ настроеній уже не вмѣщается въ рамкахъ этой тактики. Именно на эти настроенія опирались выступленія фракцій сосѣднихъ съ к.-д. трудовиковъ и прогрессистовъ, усматривавшихъ въ тактикѣ к.-д. препятствіе для успѣха собственной тактики, и, видимо, поставившихъ своей задачей подчеркивать свои разногласія съ к.-д.

10 іюня въ кабинетѣ предсѣдателя Гос. Думы собрался совѣтъ старѣйшинъ, на обсужденіе котораго былъ поставленъ вопросъ о скорѣйшемъ созывѣ Гос. Думы. Съ мнѣніемъ членовъ думскаго комитета не согласились здѣсь только крайніе правые. Предсѣдатели остальныхъ фракцій уполномочили М. В. Родзянку войти въ сношенія по вопросу о созывѣ Гос. Думы съ И. Л. Горемыкинымъ. Вечеромъ слѣдующаго дня М. В. Родзянко посѣтилъ предсѣдателя совѣта министровъ, а 13 іюня онъ отдалъ отчетъ о своей бесѣдѣ совѣту старѣйшинъ. Печать сообщила *), что „по словамъ М. В. Родзянко, онъ изъ бесѣды съ премьеромъ вынесъ впечатлѣніе, что Гос. Дума будетъ созвана скоро, но что И. Л. Горемыкинъ предпочитаетъ, чтобы созывъ состоялся при иныхъ условіяхъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ Гос. Дума, быть можетъ, будетъ отклоняться въ сторону отъ своихъ непосредственныхъ задачъ и не сохранитъ необходимаго настроенія для спокойной работы... Нельзя, по мнѣнію премьера, дѣлать сразу два дѣла, и какъ только будутъ созданы новыя условія, состоится созывъ парламента".

Смыслъ этихъ намековъ былъ совершенно ясенъ. Кабинетъ въ своемъ прежнемъ составѣ не могъ предстать передъ Гос. Думой, не рискуя вызвать тѣ настроенія, о которыхъ говорилъ И. Л. Горемыкинъ. И то „дѣло", которое нужно было сдѣлать предварительно, состояло въ обновленіи состава кабинета и въ удаленіи изъ него наиболѣе непопулярныхъ лицъ. Начало этому обновленію, собственно, уже было положено за недѣлю передъ тѣмъ, 5 іюня, когда, совершенно неожиданно для себя, былъ уволенъ Н. А. Маклаковъ. За день до засѣданія (12 іюня) сдѣланъ былъ другой, еще болѣе важный шагъ, долженствовавшій удовлетворить общество и армію. Уволенъ военный министръ В. А. Сухомлиновъ. Частнымъ образомъ было извѣстно, что въ ближайшіе дни должно состояться засѣданіе совѣта министровъ въ ставкѣ, въ которомъ рѣшится и вопросъ о созывѣ Гос. Думы. Дѣйствительно, 14 іюня въ ставкѣ былъ подписанъ Высочайшій рескриптъ И. Л. Горемыкину, въ которомъ признавалось „необходимымъ приблизить время созыва законодательныхъ учрежденій, дабы выслушать голосъ земли русской", „предрѣшить возобновленіе занятій Гос. Думы и Гос. Совѣта не позднѣе августа" и выработать въ совѣтѣ министровъ, „по указаніямъ" Государя, законопроекты, вызванные потребностями военнаго времени.

Лѣвыя фракціи и прогрессисты, однако, относились съ недовѣріемъ къ „созданію новыхъ условій", на которыя намекалъ И. Л. Горемыкинъ. Въ засѣданіи 13 іюня они поэтому не удовлетворились его отвѣтомъ М. В. Родзянко. И. Н. Ефремовъ требовалъ, чтобы „кромѣ переговоровъ съ предсѣдателемъ совѣта министровъ были предприняты и другіе шаги, способные ускорить созывъ парламента. А. Ф. Керенскій и Н. С. Чхеидзе протестовали, подобно И. Н. Ефремову, противъ всякихъ дальнѣйшихъ отсрочекъ, но не присоединились къ предложенному имъ шагу и настаивали на заявленіи, что депутаты не могутъ принять отвѣтственности за дальнѣйшее промедленіе. П. Н. Милюковъ предложилъ тогда просто отложить обсужденіе дальнѣйшихъ шаговъ на недѣлю, до слѣдующаго собранія совѣта старѣйшинъ, въ которому должны были вы-

*) См. „Рѣчь" 14 іюня

ясниться факты, обѣщавшіе сдѣлать всякіе дальнѣйшіе шаги излишними. Предложеніе к.-д. было принято всѣми фракціями, кромѣ прогрессистовъ, трудовиковъ и с.-д., голосовавшихъ противъ него, и мусульманской фракціи, воздержавшейся отъ голосованія... Нервное настроеніе того момента сказалось въ большомъ раздраженіи, вызванномъ предложеніемъ П. Н. Милюкова. Въ тотъ же вечеръ фракція, обсудивъ мотивы П. Н. Милюкова, большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ двухъ одобрила дѣйствія своего представителя въ совѣтѣ старѣйшинъ *).

Неопредѣленность срока "не позднѣе августа", однако, не закрывала вопроса и дѣлала необходимыми дальнѣйшіе шаги со стороны совѣта старѣйшинъ. Въ засѣданіи 20 іюня М. В. Родзянко сообщилъ, что „окончательное опредѣленіе срока созыва Г. Думы всецѣло предоставлено правительству и будетъ зависѣть отъ того, когда будетъ закончено разсмотрѣніе законопроектовъ, подлежащихъ внесенію въ законодательныя учрежденія. И. Л. Горемыкинъ полагаетъ, что Г. Думу удастся созвать лишь въ началѣ августа". М. В. Родзянко считалъ, что его личные рессурсы этимъ исчерпаны и что дальнѣйшимъ шагомъ можетъ быть лишь посѣщеніе И. Л. Горемыкина депутаціей совѣта старѣйшинъ. Такъ какъ на засѣданіи отсутствовали націоналисты и правые (послѣдніе отсутствовали и на засѣданіи 13 іюня), то постановлено было для окончательнаго рѣшенія созвать совѣтъ старѣйшинъ 23 іюня. На этомъ засѣданіи посылка депутаціи была рѣшена, причемъ ей поручено мотивировать необходимость скорѣйшаго созыва Г. Думы въ редакціи, предложенной Н. С. Чхеидзе. Трудовики и с.-д. отказались участвовать въ депутаціи, но согласились уполномочить остальныхъ представителей фракцій говорить отъ ихъ имени.

На слѣдующій день депутація была принята И. Л. Горемыкинымъ въ составѣ всѣхъ фракцій, кромѣ лѣвыхъ и крайнихъ правыхъ. Отъ имени депутаціи поручено было говорить П. Н. Милюкову. Практическимъ результатомъ бесѣды было обѣщаніе И. Л. Горемыкина ознакомить совѣтъ министровъ съ соображеніями депутаціи и дать отвѣтъ черезъ М. В. Родзянку 27 іюня. Дѣйствительно, предсѣдателю Г. Думы въ указанный срокъ было сообщено, что совѣтъ министровъ намѣтилъ срокомъ созыва Г. Думы 19 іюля. Передъ назначеніемъ окончательнаго срока созыва состоялись дальнѣйшія увольненія министровъ, В. К. Саблера (4 іюля) и И. Г. Щегловитова (6 іюля). Только 8 іюля состоялся, наконецъ, указъ о созывѣ Г. Думы на 19 іюля. Сравнительно съ крайнимъ срокомъ, возможнымъ по указу, т. е. 30 августа, выигрывалось такимъ образомъ шесть недѣль что, при тогдашней напряженности настроенія и быстрымъ развитіи событій, явилось, несомнѣнно, большимъ успѣхомъ.

IX.

Предстоявшая сессія впервые за время войны должна была быть длительной. Это было опредѣленно установлено въ томъ засѣданіи совѣта старѣйшинъ (30 іюня), въ которомъ доложенъ былъ результатъ посѣщенія И. Л. Горемыкина думской делегаціей и сообщенъ предсѣдателемъ Г. Думы намѣченый совѣтомъ министровъ срокъ созыва Г. Думы. Заявленія о необходимости длительной сессіи

---

*) Во фракціи трудовиковъ, по сообщенію газеты „День", А. Ф. Керенскій сообщилъ, что резолюція П. Н. Милюкова „предлагала не настаивать на немедленномъ созывѣ Гос. Думы", тогда какъ въ дѣйствительности она предлагала „отложить на нѣкоторое время дальнѣйшіе предполагаемые шаги для созыва и собраться для новаго обсужденія не позже, чѣмъ черезъ недѣлю". По тому же сообщенію, фракція трудовиковъ вынесла" рѣшительный протестъ", что вызвало со стороны П. Н. Милюкова печатное разъясненіе.

Предисловие Шаховского VII/1914 16/VI 1915

были сдѣланы П. Н. Милюковымъ, И. И. Дмитрюковымъ и И. Н. Ефремовымъ. По вопросу объ общемъ ходѣ сессіи на этомъ засѣданіи обнаружилось разногласіе между М. В. Родзянко и большинствомъ участниковъ совѣщанія. Предсѣдатель Г. Думы предложилъ ограничиться въ первомъ засѣданіи Г. Думы оглашеніемъ указа о созывѣ, выслушаніемъ вступительной рѣчи предсѣдателя и избраніемъ президіума. Затѣмъ, по мнѣнію М. В. Родзянко, слѣдовало перенести работу въ комиссіи (бюджетную и военно-морскую) и лишь потомъ устроить пленарное засѣданіе для выслушанія оффиціальной декларацiи правительства. Послѣднему засѣданію могли бы предшествовать сообщенія членовъ правительства въ частныхъ совѣщаніяхъ. П. Н. Милюковъ возражалъ на это, что страна ждетъ открытаго отвѣта на волнующіе ее вопросы и что необходимо начать сессію открытымъ засѣданіемъ, посвященнымъ заявленіямъ правительства и народныхъ представителей. Закрытыя совѣщанія, вродѣ совѣщанія 25 января, теперь уже не имѣютъ смысла. Заявленіе П. Н. Милюкова было поддержано И. Н. Ефремовымъ, М. А. Карауловымъ и И. И. Дмитрюковымъ. Отъ идеи частнаго совѣщанія послѣ этого отказался и предсѣдатель Г. Думы. Но онъ продолжалъ настаивать на отсрочкѣ правительственной декларацiи до окончанія работы комиссій. Совѣтъ старѣйшинъ рѣшилъ вызвать членовъ Г. Думы къ 10 іюля и предложить всѣмъ фракціямъ обсудить программу работъ для предстоящей сессіи.

Фракція народной свободы начала выясненіе своего взгляда на эту программу еще значительно ранѣе этого рѣшенія. Собственно, уже 29 іюля 1914 г., т. е. черезъ десять дней послѣ начала войны, общая идея о томъ, чѣмъ должна быть сессія законодательныхъ учрежденій во время войны, была предложена фракціи кн. Д. И. Шаховскимъ. Центральной мыслью была тутъ „организація тыла", т. е. хозяйственной жизни страны. Эта мысль, проводившаяся тогда и въ печати, къ сожалѣнію, не встрѣтила достаточнаго пониманія и поддержки въ правящихъ сферахъ. Партія народной свободы къ ней вернулась на засѣданіяхъ конференціи 6—8 іюня 1915 г. Послѣ съѣзда въ Петроградъ членовъ фракціи, вызванныхъ согласно рѣшенію думскаго совѣщанія 29 мая (см. выше), Д. И. Шаховской прочелъ въ засѣданіи фракціи 16 іюня обстоятельный докладъ, имѣвшій цѣлью направить законодательные работы на спѣшную организацію общественныхъ силъ страны для цѣлей національной обороны. Во главу организаціи Д. И. Шаховской ставилъ реорганизацію самой власти, созданіе шести новыхъ министерствъ (снабженія арміи, народнаго продовольствія мѣстнаго самоуправленія, труда, землеустройства и полиціи) и обновленіе состава губернаторовъ. Далѣе слѣдовало пополненіе личнаго состава земствъ, ослабленнаго войной, введеніе земства на окраинахъ и упорядоченіе земскихъ финансовъ. Изданіе кооперативнаго закона, законовъ о профессіональныхъ союзахъ и о регистраціи труда, о преобразованіи государственнаго контроля въ связи съ военными расходами, созданіе народныхъ домовъ, мѣры борьбы съ разстройствомъ хозяйственной жизни страны,—все это входило въ „программу-минимумъ" Д. И. Шаховского. Послѣднимъ ея пунктомъ было „слѣдствіе надъ виновниками обнаружившейся неподготовленности нашей къ веденію войны". Пренія по докладу Д. И. Шаховского, происходившія въ теченіе ряда засѣданій фракціи, широко охватили всѣ сложныя задачи момента и дали матеріалъ для законоподготовительной дѣятельности фракціи, продолжавшейся въ ея комиссіяхъ и въ общихъ засѣданіяхъ вплоть до открытія сессіи.

Особое положеніе въ этихъ обсужденіяхъ занялъ вопросъ о созданіи органа, вѣдающаго снабженіе арміи. „Особое совѣщаніе", учрежденное 19 мая по докладу М. В. Родзянко, не удовлетворяло никого и могло имѣть лишь временное значеніе до созыва Г. Думы. Предсѣдатель Г. Думы обратился къ фракціи

NB! Программа Шаховского.

Необходимо все это увязать с отчетом Ц. К. и конституцией, где говорится о руководстве партийной политики

народной свободы съ предложеніемъ занять мѣсто въ этомъ совѣщаніи, остававшееся свободнымъ, однимъ изъ спеціалистовъ членовъ фракціи. Вопросъ этотъ возбудилъ горячія пренія въ засѣданіи фракціи 9 іюня и въ этомъ засѣданіи былъ даже рѣшенъ отрицательно большинствомъ одного голоса (13 противъ 12). Однако, фракція постановила, въ виду важности вопроса, пересмотрѣть его въ слѣдующемъ засѣданіи, при условіи, что составъ присутствующихъ будетъ болѣе многочисленнымъ. Въ промежуткѣ выяснилось, что военный министръ Сухомлиновъ, присутствіе котораго для многихъ являлось главной причиной отрицательнаго отношенія къ вступленію въ комиссію, увольняется. Въ засѣданіи фракціи 11 іюня большинствомъ 17 противъ 9 рѣшено было принять мѣсто въ совѣщаніи для члена фракціи (А. А. Добровольскаго), но подвергнуть вопросъ пересмотру, когда соберется Г. Дума.

По вопросу о томъ, какъ долженъ быть организованъ органъ для снабженія арміи самой Г. Думой, фракція прогрессистовъ собрала 8 іюня совѣщаніе въ своемъ помѣщеніи. На совѣщаніи присутствовали представители всѣхъ фракцій (за исключеніемъ крайнихъ правыхъ) отъ Д. И. Чихачева и гр. В. А. Бобринскаго до А. Ф. Керенскаго и Н. С. Чхеидзе *). Прогрессисты предлагали образовать центральный комитетъ изъ членовъ законодательныхъ учрежденій и общественныхъ организацій съ участіемъ министровъ и открыть отдѣленія комитета въ провинціи по тому же типу. Представители фракціи народной свободы находили необходимымъ поручить исполнительную власть не коллективной единицѣ, а единоличному и отвѣтственному органу власти, и предлагали образовать органъ снабженія арміи въ видѣ новаго министерства или главнаго управленія при военномъ министрѣ, но съ правомъ отдѣльнаго доклада для главноуправляющаго. Предполагалось при этомъ, что отвѣтственнымъ за снабженіе арміи главой новаго вѣдомства должно быть назначено лицо, пользующееся довѣріемъ арміи. При этомъ лицѣ долженъ былъ состоять совѣщательный комитетъ, объединяющій въ своей средѣ представителей капитала, техническаго знанія и труда. Члены законодательныхъ учрежденій не должны были входить въ составъ совѣщательнаго органа. Контроль надъ снабженіемъ долженъ былъ оставаться за Г. Думой, которая, при длительной сессіи, имѣла бы возможность выполнять свои функціи наблюденія непрерывно. Для этой цѣли предполагалось создать комиссію соотвѣтственнаго типа, съ расширенными контрольными полномочіями, которая бы получила право засѣдать и въ промежуткахъ между сессіями Г. Думы.

Послѣ соотвѣтствующихъ замѣчаній членовъ фракціи рѣшено было переработать въ этомъ духѣ первоначальное предложеніе прогрессистовъ. Впрочемъ, окончательная разработка проекта к.-д. велась уже самой фракціей самостоятельно и закончилась передъ самымъ открытіемъ сессіи.

11 и 17 іюля, послѣ съѣзда значительнаго количества депутатовъ, состоялись два засѣданія совѣта старѣйшинъ, окончательно рѣшившія тѣ вопросы о началѣ сессіи, которые уже были подняты въ засѣданіи 30 іюня. М. В. Родзянко повторилъ свое предложеніе начать сессію съ выбора президіума и съ комиссіонныхъ работъ. Но всѣ фракціи склонились къ мнѣнію П. Н. Милюкова, котораго поддерживали и представители центра (Ратьковъ-Рожновъ), націоналистовъ (Чихачевъ) и крайнихъ правыхъ (Марковъ 2). Рѣшено было начать сессію съ объясненій правительства и съ отвѣтовъ депутатовъ. Тутъ же намѣченъ былъ перевыборъ военно-морской комиссіи съ допущеніемъ въ нее представителей всей оппозиціи (на чемъ тщетно настаивали к.-д. втеченіе всей сессіи 3-й и

*) Послѣдній, впрочемъ, особымъ письмомъ въ газеты сообщилъ, что онъ лишь присутствовалъ въ совѣщаніи, но не принималъ участія въ его рѣшеніяхъ.

Заседание 3/VII Думы. 1915.

4-й Думъ). Фракція к.-д. готова была уже въ этотъ моментъ, въ засѣданіяхъ совѣта старѣйшинъ, развить свою программу сессіи, изъ которой само собою явствовало бы, что сессія должна быть длительной (постановленіе фракціи 10 іюня). Но другія фракціи оказались неподготовленными къ обсужденію программы сессіи, и дѣло ограничилось въ обоихъ засѣданіяхъ 11 и 17 іюля обсужденіемъ программы перваго дня сессіи, 19 іюля.

X.

Въ засѣданіи фракціи 13 іюля П. Н. Милюковъ изложилъ общій планъ своего выступленія въ отвѣтъ на заявленія правительства. Въ виду важности этого выступленія, долженствовавшаго впервые за время войны выразить мнѣніе фракціи о всемъ внутреннемъ положеніи Россіи и о положительныхъ задачахъ предстоящей сессіи, проектъ выступленія былъ еще разъ во всѣхъ подробностяхъ обсужденъ въ засѣданіи фракціи 17 іюля.

Тонъ и характеръ этого выступленія характеризуются въ самомъ началѣ рѣчи П. Н. Милюкова 19 іюля переходомъ отъ „патріотическаго подъема" къ „патріотической тревогѣ", а отъ этой тревоги—къ полной увѣренности въ неблагополучіи положенія. „Тайное стало явнымъ, и всѣ успокоенія оказались только словами. Страна словами удовлетвориться не можетъ. Народъ хочетъ самъ теперь приняться за дѣло и исправить упущенное". Указавъ, что самое это намѣреніе свидѣтельствуетъ о непоколебимой рѣшимости „вести войну до конца, до рѣшительной побѣды" П. Н. Милюковъ отмѣтилъ, что не русская общественность и не Гос. Дума отвѣтственны за упущенія. „Настоящій источникъ ошибокъ есть ненормальное отношеніе между общественными силами и властью". Злоупотребленіе „внутреннимъ перемиріемъ" для закрѣпленія „чисто партійныхъ позицій", основанныхъ на недовѣріи къ общественности,есть первое слѣдствіе этого ненормальнаго отношенія. „Другимъ нарушеніемъ внутренняго мира была политика власти по отношенію къ отдѣльнымъ національностямъ": украинской, польской, еврейской. Третья черта—отказъ отъ „забвенія внутреннихъ распрей", иллюстрируемый дѣломъ Бурцева и дѣломъ пяти депутатовъ большевиковъ, а также использованіемъ военной цензуры для чисто политическихъ цѣлей. Коснувшись далѣе вопроса о причинахъ нашихъ военныхъ неудачъ, ораторъ отмѣтилъ „темный слухъ о предательствѣ, распространяющійся изъ края въ край земли русской", и указалъ на подкупность, царящую въ прикосновенныхъ вѣдомствахъ. „Простой уходъ военнаго министра, заявилъ онъ, не удовлетворяетъ ни арміи, ни страны... Кромѣ того, никто не вѣритъ, чтобы вина лежала на одномъ военномъ министрѣ.... Обвиненія идутъ дальше, и только судебное слѣдствіе можетъ положить конецъ упорнымъ толкамъ, отдѣливъ виновныхъ отъ невиновныхъ".

Перейдя къ политическому значенію ухода другихъ министровъ, равносильнаго „молчаливому признанію, что наши обвиненія были правильны", ораторъ фракціи, однако, спрашивалъ: „застрахованы ли мы отъ повторенія тѣхъ же ошибокъ", и „можетъ ли кабинетъ получить то довѣріе страны, безъ котораго нельзя осуществить предстоящихъ намъ всенародныхъ задачъ"? Давая кабинету время показать себя на дѣлѣ, представитель фракціи не отвѣчалъ сразу на этотъ вопросъ категорическимъ отрицаніемъ. Онъ говорилъ лишь: „увы, на эти тревожные вопросы мы пока не имѣемъ отвѣта... То, что мы знаемъ, располагаетъ къ осторожности. Мы знаемъ, что перемѣна послѣдовала какъ-бы поневолѣ, въ послѣдній моментъ", и что „лица измѣнились, но не измѣнилась ихъ партійная окраска". „Мы слышали доброжелательныя слова, но не слышали опредѣленной политической программы. Мало того, мы даже слышали отказъ отъ этой программы, подъ тѣмъ предлогомъ, что „для про-

Программа к. д. для военнаго времени.

граммныхъ рѣчей теперь не время" (слова И. Л. Горемыкина, въ его выступленіи 19 іюля).

Отсюда былъ естественный переходъ къ изложенію программы фракціи народной свободы, которою она восполняла отсутствующую правительственную программу. Въ этой части рѣчи П. Н. Милюковъ изложилъ результаты работъ фракціи, сгруппировавъ ихъ около основной идеи—„организаціи всѣхъ народныхъ силъ для побѣды".

Что нужно для осуществленія этой задачи? Прежде всего, „нужна политика власти, не связывающая живыхъ силъ народнаго почина". Нужно „серьезное обновленіе личнаго состава мѣстной администраціи", неспособнаго осуществлять такую политику. То и другое возможно и нужно сдѣлать въ порядкѣ управленія. „Снимите путы, дайте дорогу общественнымъ организаціямъ, верните народу свободное общеніе и объединеніе, и явятся на сцену такія силы, такія новыя средства, такія возможности, которыя сразу исправятъ функціональныя разстройства народной жизни, вызванныя не только войной, и не столько войной, сколько неумѣлымъ вмѣшательствомъ власти. Дайте странѣ внутренній миръ, прекратите разжиганіе національныхъ распрей,—и вы вызовете новый порывъ энтузіазма, дадите народу возможность сосредоточить всю свою мысль на задачѣ момента: все для войны".

Съ своей стороны, Гос. Дума должна немедля осуществить „непартійные" законопроекты", „всѣ проникнутые одной идеей—спѣшной организаціи народныхъ силъ для участія въ общей борьбѣ". Фракція намѣренно стала на эту „непартійную" точку зрѣнія и составила списокъ законодательныхъ предположеній, могущихъ объединить значительное большинство 4-й Гос. Думы. Сюда относилось, прежде всего, устройство органа для „пріобщенія деревни къ высшимъ центрамъ народной жизни", мелкой земской единицы, проектъ которой, проведенный Думой три года тому назадъ, былъ похороненъ въ архивахъ Гос. Совѣта. Закрѣпленіе трезвости навсегда законодательнымъ порядкомъ, а по окончаніи войны рѣшеніе вопроса о надѣленіи крестьянъ, уже поднятаго частично А. В. Кривошеинымъ, должны были служить насущнымъ нуждамъ той же деревни. Затѣмъ слѣдовали: расширеніе мѣстнаго самоуправленія по проекту прогрессистовъ, расширеніе городского самоуправленія на началахъ, уже одобренныхъ комиссіей 4-й Г. Думы, кооперативный законъ, тутъ же внесенный нѣсколькими фракціями, законопроектъ объ отдыхѣ торговыхъ служащихъ, задержанный Г. Совѣтомъ, подоходный налогъ, какъ первый приступъ и прочный фундаментъ болѣе справедливаго обложенія. Таковъ перечень (неполный) мѣръ, намѣченныхъ фракціей къ проведенію въ начинавшейся сессіи Гос. Думы. Первое средство для ихъ проведенія — длительность сессіи, необходимая и для непрерывнаго контроля надъ властью и для моральной поддержки настроенія страны на случай дальнѣйшихъ испытаній. Конецъ выступленія П. Н. Милюкова изложенъ въ началѣ отчета.

Съ перваго дня сессіи фракція народной свободы, лучше подготовленная, чѣмъ остальныя, и вѣрная основной идеѣ своей „военной" тактики, явилось какъ бы идейной руководительницей думскаго большинства. Довѣріе этого большинства къ фракціи сказалось, прежде всего, въ той формулѣ перехода, которая была внесена, какъ результатъ общихъ преній. Формула эта была обсуждена при участіи представителей фракціи, чѣмъ и объясняется внесеніе въ нее части, составлявшей сжатое резюме выступленія фракціоннаго оратора. „Полагая, что скорѣйшая побѣда должна быть достигнута воодушевленнымъ участіемъ всего населенія въ созданіи новыхъ средствъ борьбы, а это послѣднее требуетъ упроченія внутренняго мира, примиренія и забвенія старой политической борьбы, а также благожелательнаго вниманія (объ этой фразѣ

см. ниже) власти къ интересамъ всѣхъ вѣрныхъ Россіи гражданъ, безъ различія племени, языка и вѣры; считая, что привести къ скорой побѣдѣ можетъ лишь тѣсное единеніе со всей страной правительства, пользующагося полнымъ ея довѣріемъ" и т. д. Если фракція въ концѣ концовъ отказалась присоединить свое имя къ именамъ фракцій, отъ которыхъ была внесена эта формула (отъ русскихъ націоналистовъ до земцевъ октябристовъ), то это потому, что часть формулы, говорившая о политикѣ относительно національностей, была редактирована въ непріемлемомъ для фракціи видѣ. Собственно, въ этой части формулы использованы были выраженія рѣчи И. Л. Горемыкина. Но фракція предлагала избѣгнуть двусмысленности, заключавшейся въ выраженіи „всѣхъ вѣрныхъ Россіи гражданъ". „Русскіе граждане суть вѣрные сыны Россіи, и никто не имѣетъ права усумниться въ томъ, что русскій гражданинъ есть вѣрный сынъ Россіи", отвѣтилъ П. Н. Милюковъ на реплику съ мѣста Маркова 2, подчеркнувшаго это слово — „вѣрныхъ". Въ засѣданіи 20 іюля, при голосованіи формулы, П. Н. Милюковъ повторилъ, что въ выраженіяхъ И. Л. Горемыкина онъ не хотѣлъ усматривать намѣренной двусмысленности: но разъ таковая подчеркивается справа, то онъ предлагаетъ замѣнить эти слова болѣе опредѣленными: „всѣхъ гражданъ Россіи". Однако, эта поправка была отвергнута ~~первымъ~~ большинствомъ, которое этимъ отдало дань своему прошлому *).

Другая поправка, отрицательное отношеніе къ которой фракціи народной свободы вызвало большіе толки, была предложена прогрессистами. Они желали внести въ общедумскую формулу утвержденіе, что „дѣйствительное объединеніе всѣхъ силъ и всей воли народной, необходимое для ускоренія побѣды, достижимо лишь при немедленномъ установленіи отвѣтственности передъ Гос. Думой правительства, составленнаго изъ лицъ пользующихся довѣріемъ страны". Съ технической точки зрѣнія это пожеланіе было такъ же неопредѣленно, какъ и мотивировавшая его рѣчь И. Н. Ефремова. Въ послѣдней признакъ «отвѣтственности» понимался то въ моральномъ, то въ юридическомъ смыслѣ. Говорилось то о министерствѣ «довѣрія, то о министерствѣ коалиціонномъ, то дѣйствительно о министерствѣ «отвѣтственномъ», въ смыслѣ парламентаризма» **). Но самая эта неопредѣленность сообщала термину „отвѣтственность" широкую популярность въ глазахъ круговъ населенія, не считающихся съ научными и юридическими опредѣленіями. Голосованіе противъ этого слова могло быть

*) Судя по объясненіямъ гр. Бенигсена, данными съ каѳедры Г. Думы, правое большинство хотѣло этими словами отгородиться отъ нѣмцевъ-колонистовъ.

**) Напр., И. Н. Ефремовъ говорилъ: „для успѣшнаго завершенія міровой борьбы намъ необходима сильная власть, а такой можетъ быть только власть пользующаяся довѣріемъ народа". Это есть формула к.-д., цѣликомъ вошедшая потомъ въ программу блока. Но рядомъ съ этимъ говорится, напр.: „Критическое положеніе требуетъ измѣненія самаго духа государственнаго управленія (парламентаризмъ), призыва къ власти министерства національной обороны (терминъ правой части блока), составленнаго изъ лучшихъ представителей страны, независимо отъ ихъ партійной принадлежности (это— „коалиціонное" министерство, т. е. полная противоположность парламентаризму, основывающемуся на управленіи посредствомъ партій), готоваго отвѣтствовать (терминъ моральный, а не юридическій) передъ народнымъ представительствомъ (юридически—точное выраженіе было бы „министерства выбраннаго изъ большинства палаты и отвѣчающаго передъ этимъ большинствомъ т. е. выходящаго въ отставку при отрицательномъ вотумѣ"). Было уже отмѣчено въ печати Ф. Ф. Кокошкинымъ, что этого основного условія парламентарной политической отвѣтственности, т. е. опредѣленнаго большинства даже не было на лицо въ Г. Думѣ въ моментъ преній 19—20 іюля. При голосованіяхъ обнаружились три различныя большинства въ теченіе одного засѣданія.

истолковано, какъ отрицаніе мысли объ отвѣтственности правительства передъ страной вообще, въ моральномъ и обывательскомъ смыслѣ слова. Былъ ли тутъ сознательный разсчетъ ва это невыгодное впечатлѣніе, или же фракція прогрессистовъ просто поддалась общему настроенію, разбирать не станемъ. Во всякомъ случаѣ, фракція народной свободы не могла ни поддаться этому настроенію, ни считаться съ этимъ тактическимъ разсчетомъ сосѣдей, выступившихъ въ роли политическихъ соперниковъ. Мнѣніе фракціи объ отвѣтственномъ министерствѣ, записанномъ въ ея программу, было такъ-же общеизвѣстно, какъ и основной принципъ ея „военной“ тактики—не вести „немедленной“ борьбы за свои партійные лозунги. Притомъ же, какъ говорилось выше, тактическій докладъ партіи еще въ маѣ указывалъ на тѣсную связь лозунга „отвѣтственнаго министерства“ съ двумя другими лозунгами—демократическаго представительства и реформы верхней палаты; а эти послѣдніе лозунги прогрессистами вовсе не выдвигались. Со времени партійной конференціи 6—8 іюня лозунгъ, данный тактическимъ докладомъ („министерство довѣрія“), сдѣлался уже лозунгомъ страны, какъ видно изъ цѣлаго ряда резолюцій общественныхъ учрежденій и съѣздовъ, принявшихъ этотъ лозунгъ. Попытка замѣнить его лозунгомъ „отвѣтственнаго министерства“ на московскомъ городскомъ съѣздѣ кончилась неудачей. Такимъ образомъ, выступленіе съ этимъ лозунгомъ въ Гос. Думѣ имѣло исключительно демонстративный характеръ, который противорѣчилъ всей военной тактикѣ к.-д., принесшей уже хорошіе плоды и обѣщавшей еще болѣе серьезныя послѣдствія, какъ вскорѣ и оказалось. При этихъ условіяхъ было совершенно очевидно, что принять вызовъ значило бы демонстрировать не свою демократичность и конституціонность, а свою неспособность вести послѣдовательную тактику. Вотъ почему ораторъ фракціи к.-д., во избѣжаніе всякихъ недоразумѣній, повторилъ съ каѳедры Гос. Думы соображенія, уже высказанныя въ тактическомъ докладѣ по поводу лозунга „отвѣтственное министерство“ и одобренныя большинствомъ партійной конференціи. Приводимъ эту мотивировку „Поправка фракціи прогрессистовъ ставитъ на очередь нашъ партійный вопросъ—вопросъ о политической отвѣтственности министерства передъ Государственной Думой. Мы неоднократно высказывались передъ Государственной Думой за все время дѣятельности нашей фракціи во всѣхъ четырехъ Государственныхъ Думахъ, относительно необходимости созданія отвѣтственнаго министерства для полнаго обновленія Россіи. Я напомню вамъ, гг. Члены Государственной Думы, что теперешнюю министерскую безотвѣтственность мы признали однимъ изъ трехъ замковъ, которые запираютъ офиціальную Россію отъ Россіи народной. Излишне говорить, что за этотъ пунктъ нашей программы мы и впредь будемъ бороться, какъ и за всѣ остальные. Мы рады констатировать, что теперь въ этомъ вопросѣ мы будемъ не одни: только что представитель октябристовъ къ намъ присоединился и отнынѣ призналъ основное начало парламентаризма. Но, гг., мы считаемъ невозможнымъ требовать внесенія этого партійнаго нашего,—а отнынѣ и октябристскаго требованія во внѣпартійную формулу, которую сегодня должна вынести вся Государственная Дума, формулу, которая должна знаменовать наше единеніе передъ грозной опасностью. Мы считаемъ, что въ такой моментъ, когда мы сами признали необходимымъ временно воздержаться отъ борьбы за партійные лозунги, внесеніе этого партійнаго лозунга было бы несвоевременнымъ. Трижды заявивъ объ этомъ нашемъ рѣшеніи во всѣхъ трехъ военныхъ сессіяхъ, мы не можемъ стать въ противорѣчіе со всей нашей тактикой военнаго времени, и отъ поддержки предложенія прогрессистовъ будемъ воздерживаться. (*Рукоплесканія въ центрѣ справа и слѣва*)“. Какъ видно изъ этихъ объясненій

фракція к.-д. не голосовала противъ пункта своей партійной программы, а только воздержалась отъ его поддержки при данныхъ условіяхъ. Вмѣстѣ съ нею воздержались отъ голосованія и с.-д., противополагавшіе, какъ видно изъ рѣчи Н. С. Чхеидзе, идеѣ парламентарнаго строя идею „рѣшительной демократизаціи всего политическаго и общественнаго строя", т. е., насколько можно понять, идею непосредственнаго народоправства. Трудовики голосовали за предложеніе прогрессистовъ, но ихъ взглядъ существенно разнился отъ содержанія этого предложенія, какъ видно изъ ихъ собственной формулы. Трудовики требовали „созданія исполнительной власти, отвѣтственной передъ народнымъ представительствомъ, избраннымъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права", а „до созыва истиннаго народнаго представительства" они удовлетворялись перечисленными въ ихъ формулѣ реформами, среди которыхъ „отвѣтственное министерство" вовсе не упоминается. Такимъ образомъ, трудовики, въ сущности, раздѣляли одно изъ тѣхъ соображеній противъ „немедленнаго" введенія отвѣтственнаго министерства въ 4-й Гос. Думѣ, которое вытекало изъ формулы к.-д. о „трехъ замкахъ", отдѣляющихъ народъ отъ власти. Они понимали, что правильная отвѣтственность явится лишь при истинной демократизаціи народнаго представительства.

Изъ приведенной въ примѣчаніи мотивировки голосованія к.-д. видно также и то, почему фракція считала нужнымъ, несмотря на двусмысленность фразы о національностяхъ, все-таки голосовать за всю формулу перехода. За исключеніемъ этого пункта, формула перехода все же выражала общее настроеніе Гос. Думы, вполнѣ отвѣчала рѣчи фракціоннаго оратора и „знаменовала наше единеніе передъ грозной опасностью". Такую формулу должна была вынести „вся Гос. Дума". И, дѣйствительно, формула перехода была принята подавляющимъ большинствомъ противъ немногочисленныхъ голосовъ двухъ крайнихъ фланговъ.

Чтобы покончить съ знаменательнымъ днемъ открытія сессіи, необходимо упомянуть, что запоздалое признаніе польской автономія главой правительства было и признаніемъ одного изъ пунктовъ партійной программы, стоившаго партіи многочисленныхъ рѣзкихъ нападковъ и обвиненій справа, послужившаго даже въ 1905 г. боевымъ кличемъ при образованіи партіи октябристовъ.

Обстановка, при которой провозглашенъ былъ правительствомъ этотъ лозунгъ, сама по себѣ свидѣтельствуетъ о дальновидности партіи, настаивавшей на своевременномъ осуществленіи лозунга автономіи — раньше, чѣмъ обстоятельства до крайности осложнили вопросъ о будущемъ устройствѣ Польши.

XI.

Слѣдующій послѣ первыхъ засѣданій день 21 Іюля принесъ фракціи еще одну побѣду, которой она можетъ гордиться. Та самая фракція, которая, вмѣстѣ съ остальной оппозиціей, была отстранена отъ участія въ коммиссіи государственной обороны, не только вошла теперь на условіяхъ, которыхъ всегда требовала (т. е. вмѣстѣ со всей оппозиціей), но и дала военно-морской комиссіи своего предсѣдателя. К.-д. А. И. Шингаревъ, замѣнившій націоналиста П. Н. Балашева въ такой моментъ, когда опытъ показалъ недостаточность прежнихъ заботъ объ оборонѣ и обнаружилъ излишнюю покладливость прежнихъ руководителей комиссіи—это былъ яркій символъ создавшагося положенія. Это было, вмѣстѣ съ тѣмъ, и блестящее опроверженіе старыхъ клеветъ и обвиненій, взводившихся на партію. Широкая программа опроса подлежащихъ вѣдомствъ о состояніи обороны, составленная новымъ предсѣдателемъ, и

послѣдовательно выполненная, дала прочный базисъ для послѣдующихъ работъ комиссіи. Полученные путемъ этого опроса обильные матеріалы были положены въ основаніе записки, которую комиссія поручила своему предсѣдателю представить Государю, что и было выполнено при открытіи особыхъ совѣщаній 22 августа.

Независимо отъ дѣятельности военно-морской комиссіи, черезъ недѣлю по открытіи сессіи, 28 іюля, состоялось закрытое засѣданіе всей Гос. Думы, спеціально посвященное недочетамъ въ нашемъ военномъ дѣлѣ. Обширныя рѣчи А. И. Савенко и П. Н. Милюкова на этомъ засѣданіи вплотную подошли къ сообщенію, сдѣланному на томъ же засѣданіи новымъ военнымъ министромъ А. А. Поливановымъ о назначеніи слѣдственной комиссіи генерала Н. П. Петрова. Здѣсь были подняты и вопросы объ осуществившихся вскорѣ перемѣнахъ въ командованіи, и о той необходимости координированія дѣйствій союзныхъ армій, а также военныхъ дѣйствій съ дипломатическими, которая въ то время уже озабочивала нашихъ союзниковъ и тоже была въ значительной степени удовлетворена въ ближайшіе мѣсяцы. Образъ дѣйствій нашей дипломатіи въ Балканскомъ вопросѣ, послужившій впослѣдствіи (въ декабрѣ) предметомъ обсужденія бюджетной комиссіи, также былъ охарактеризованъ ораторомъ фракціи. Это было еще передъ выступленіемъ Болгаріи на сторонѣ нашихъ противниковъ. Въ бюджетной комиссіи въ декабрѣ тотъ же ораторъ подвелъ итоги нашей балканской политики после болгарскаго выступленія.

Передъ фракціей стояли важнѣйшія задачи—обезпечить прохожденіе черезъ Гос. Думу своихъ законодательныхъ предположеній и укрѣпить въ Гос. Думѣ большинство, уже создавшееся при голосованіи формулы перехода, включившей всѣ существенныя требованія страны. Время, притомъ, не ждало: въ странѣ общественное настроеніе повышалось, и Москва явилась органомъ, давшимъ этому настроенію опредѣленную форму. То обстоятельство, что ни въ первомъ засѣданіи, ни въ послѣдующихъ Дума не услышала положительнаго отвѣта на заявленныя ею desiderata, скоро значительно измѣнило положеніе сравнительно съ тѣмъ, какимъ оно было 19 іюля, когда Гос. Дума впервые встрѣтилась съ обновленнымъ составомъ кабинета. Осторожные вопросы и сомнѣнія оратора фракціи к.-д. въ засѣданіи 19 іюля сами собою превращались ходомъ событій—или, точнѣе, отсутствіемъ этихъ событій—въ отвѣты, не допускавшіе сомнѣній. „Обновленіе“ приходилось признать окончательно неудавшимся. Москва готовила свои отвѣты на создавшееся положеніе. Гос. Дума должна была приготовить свои, иначе она не отвѣтила бы на довѣріе, съ которымъ былъ встрѣченъ въ странѣ ея созывъ.

Фракція народной свободы настойчиво добивалась признанія своей законодательной программы, намѣченной въ рѣчи ея оратора 19 іюля, программой большинства Гос. Думы. Какъ только закончилась спѣшная работа по созданію особаго совѣщанія для снабженія арміи (проектъ фракціи конкуррировалъ при этомъ съ проектомъ правительства и опредѣлилъ собой нѣкоторыя черты думскаго закона), такъ фракція, въ засѣданіи совѣта старѣйшинъ 27 іюля, напомнила о своей законодательной программѣ и перечислила всѣ ея пункты *).

Однако же, въ ближайшіе дни это напоминаніе не произвело впечатлѣнія. Только 1 августа Гос. Дума провела законопроектъ въ особомъ совѣщаніи для

*) Объ органѣ снабженія арміи, объ улучшеніи положенія о земскихъ учрежденіяхъ, о введеніи волостного земства, о введеніи земскихъ учрежденій въ Сибири, на Кавказѣ, въ Архангельской губ. и Донской обл., объ улучшеніи городового положенія, объ изданіи общаго закона о кооперацiяхъ, о введеніи подоходнаго налога, объ утвержденіи трезвости навсегда, объ отдыхѣ торговыхъ служащихъ.

снабженія арміи (разойдясь при этомъ съ фракціей въ вопросахъ о независимой постановкѣ новаго органа въ видѣ особаго вѣдомства, о неучастіи въ немъ членовъ законодательныхъ учрежденій и объ участіи рабочихъ). Думскія комиссіи разрабатывали проекты другихъ совѣщаній, финансовая комиссія кончала проектъ подоходнаго налога (прошелъ 25 августа), военно-морская выполняла свою программу освѣдомленія, комиссія о печати обсуждала проектъ о военной цензурѣ. Тѣмъ не менѣе, въ сферахъ уже обсуждался вопросъ о скорѣйшемъ прекращеніи сессіи. Вопросъ о длительной программѣ становился дѣйствительно очереднымъ и неотложнымъ, совпадая съ вопросомъ о длительности сессіи. Неотложность эта еще подчеркивалась тѣмъ, что члены правыхъ партій стали разъѣзжаться изъ Петрограда, очевидно, получивъ свѣдѣнія о скоромъ окончаніи сессіи. Только энергическія настоянія фракціи народной свободы передъ предсѣдателемъ и опубликованіе именного списка взявшихъ отпуски членовъ Гос. Думы въ „Рѣчи" остановили на время разъѣздъ *).

При этихъ условіяхъ представители фракціи к.-д. вновь напомнили въ засѣданіи совѣта старѣйшинъ 5 августа, что уже втеченіе двухъ недѣль программа фракціи остается неразсмотрѣнной. Фракціи обѣщали представить свои отзывы о программахъ на слѣдующій день, 6 августа. Въ этотъ день состоялось чрезвычайно интересное засѣданіе совѣта старѣйшинъ, подробно реферированное въ печати и во многомъ опредѣлившее дальнѣйшій ходъ парламентской жизни. П. Н. Милюковъ на этомъ засѣданіи еще разъ подробно мотивировалъ подборъ матеріала, введеннаго въ программу к.-д. И. Н. Ефремовъ отъ имени прогрессистовъ развилъ программу, довольно близкую къ программѣ к.-д. Къ нимъ, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, присоединился отъ имени лѣвыхъ октябристовъ С. И. Шидловскій. Всѣ эти ораторы исходили изъ мысли о невозможности и думать о перерывѣ сессіи. Съ этой мыслью вполнѣ согласился отъ имени земцевъ-октябристовъ Н. В. Савичъ, предложившій, послѣ очередныхъ военныхъ законопроектовъ, поставить проектъ о волостномъ земствѣ, какъ наименѣе спорный, а относительно дальнѣйшаго сговориться съ центромъ Г. Совѣта. Напротивъ, Скоропадскій, Крупенскій и Чихачевъ дружно отстаивали мысль, что сессія созвана только для вопросовъ обороны въ тѣсномъ смыслѣ, и что всякіе другіе вопросы только расколятъ и разсорятъ депутатовъ. Однако, очень горячую рѣчь въ пользу необходимости стать выше партійныхъ раздѣленій, сохранить единеніе и недопускать роспуска, равносильнаго „преступленію передъ страной", произнесъ В. Н. Львовъ. Онъ не допускалъ возможности, чтобы нельзя было „взрослымъ людямъ" сговориться объ общей программѣ.

Совершенно особое положеніе заняли представители крайнихъ правыхъ. Левашевъ соглашался только на законъ о нѣмецкомъ засильѣ и утверждалъ, что „продленіе сессіи будетъ (для правыхъ) тяжелымъ ударомъ для ихъ домашнихъ и общественныхъ дѣлъ". Марковъ 2-й тоже защищалъ разъѣздъ депутатовъ „дѣлами на мѣстахъ" и обѣщалъ „первый создавать тренія" законопроекту о волостномъ земствѣ. „Мы вамъ Россіи безъ борьбы не отдадимъ— мы поборемся", закончилъ онъ свою рѣчь. „Земщина" въ эти дни уже говорила, что Гос. Дума „расчищаетъ путь революціоннымъ организаціямъ".

*) По списку, напечатанному 6 августа, взяли отпуски на продолжительное время 37 правыхъ и націоналистовъ, 26 членовъ группы центра и октябристовъ, 11 безпартійныхъ и 6 представителей оппозиціи. Въ засѣданіи совѣта старѣйшинъ 5 августа М. В. Родзянко сообщилъ „личное мнѣніе" И. Л. Горемыкина, что Государственную Думу „слѣдовало бы распустить во второй половинѣ августа".

История образования и заключения блока.

Позиция левых

Съ другой стороны, и съ крайней лѣвой были представлены возраженія противъ программы к.-д. Н. С. Чхеидзе находилъ, что „и волостное земство, и кооперативы будутъ скрипѣть, если въ первую очередь не будутъ осуществлены политическія свободы". А. Ф. Керенскій также предлагалъ „бросить разговоры о единеніи" и утверждалъ, что „споръ на трибунѣ не вреденъ, а полезенъ, т. к. поднимаетъ настроеніе страны". Онъ признавалъ „реальность" постановки вопроса „о коалиціи для проведенія общей программы"; но и онъ осложнялъ эту программу пунктами, непріемлемыми для большинства. П. Н. Милюковъ въ своемъ отвѣтѣ отмѣтилъ, что оба крайніе фланга, возражая противъ „единенія" и не соглашаясь на программу, которая одна только и можетъ объединить большинство въ Гос. Думѣ даннаго состава, тѣмъ самымъ устраняютъ себя отъ возможнаго соглашенія. Предѣлы этого соглашенія очертились, такимъ образомъ, сами собою. Засѣданіе совѣта старѣйшинъ 6 августа есть день рожденія „прогрессивнаго блока".

XII.

Дальнѣйшіе шаги къ его образованію послѣдовали тотчасъ же вслѣдъ за этимъ засѣданіемъ. Представители фракцій, между которыми намѣтилась возможность соглашенія, были приглашены на частное совѣщаніе на квартирѣ М. В. Родзянко, 9 августа. Здѣсь произошло окончательное соглашеніе думскихъ фракцій на законодательной программѣ фракціи народной свободы, съ небольшими измѣненіями и дополненіями. Въ концѣ этого совѣщанія на засѣданіе пришли изъ другого совѣщанія П. Н. Балашевъ и Д. Н. Чихачевъ, уже успѣвшіе отколоться. Въ противовѣсъ складывавшемуся „прогрессивному большинству" П. Н. Балашевъ предлагалъ создать „информаціонное бюро" правыхъ и центра обѣихъ законодательныхъ палатъ, тогда же прозванное „черным блокомъ". Начало этого „блока", повидимому, было положено въ Гос. Совѣтѣ. П. Н. Балашевъ внесъ въ засѣданіе фракціи націоналистовъ предложеніе — объединиться съ Г. С. для информаціонныхъ цѣлей. Но его предложеніе только повело къ расколу во фракціи. Противъ сближенія направо горячо возражали А. И. Савенко, гр. В. А. Бобринскій и др. „Все, что мы переживаемъ, говорилъ Савенко, заставляетъ насъ блокироваться налѣво, съ центромъ и октябристами. Насъ пугаютъ крушеніемъ государственнаго строя. Но дѣло идетъ о томъ, чтобы дружнымъ единеніемъ довести войну до побѣднаго конца. Война показала, что перестройки, обновленіе въ этой области необходимы".

На слѣдующій день назначено было первое совѣщаніе сговорившихся между собою думскихъ фракцій съ членами Г. Совѣта, сочувствовавшими сближенію. Въ этомъ совѣщаніи мысль о законодательной программѣ, какъ единственномъ базисѣ сближенія, встрѣтила довольно энергичныя возраженія. В. I. Гурко впослѣдствіи сообщилъ въ печати, что самыя рѣзкія замѣчанія слышались со стороны нѣкоторыхъ членовъ Г. Совѣта. Возражавшіе утверждали, что для спокойной законодательной работы—время слишкомъ нервное, и что въ первую очередь необходима организація сильной власти. Если нужны мѣры для внесенія успокоенія въ страну, то мѣры эти должны быть скорѣе отрицательными („устраненіе одіозныхъ мѣръ"), чѣмъ положительными. Всѣ соглашались, что время не ждетъ, и что сильной можетъ быть только власть, находящаяся въ рукахъ популярнаго человѣка. Защитники законодательной программы вполнѣ соглашались съ расширеніемъ базы соглашенія. Но они указывали на х а р а к т е р ъ программы, составленной именно изъ мѣръ, подлежащихъ осуществленію въ первую голову, на ц ѣ л ь программы—организо-

вать страну для обороны и, наконецъ, на необходимость имѣть опредѣленный планъ длительной сессіи законодательныхъ учрежденій, съ чѣмъ согласился на этомъ совѣщаніи и П. Н. Крупенскій. Въ итогѣ преній получился рядъ тезисовъ, съ обсужденія которыхъ началось второе засѣданіе, назначенное на слѣдующій же день, 12 августа. Здѣсь обсуждались какъ мѣры, необходимыя для созданія сильной власти и для возстановленія довѣрія къ ней въ странѣ (актъ милосердія и забвенія, коренное измѣненіе пріемовъ управленія, мѣры въ области національной и вѣроисповѣдной политики), такъ и законодательная программа, предложенная большинствомъ Гос. Думы. Послѣ исчерпывающаго обсужденія, давшаго обильный новый матеріалъ и намѣтившаго точныя формулы отдѣльныхъ пунктовъ, было поручено небольшой комиссіи изъ 8 лицъ, представлявшихъ всѣ оттѣнки мнѣній, поровну отъ Гос. Думы и Гос. Совѣта, выработать окончательный текстъ соглашенія *). Форма документа въ засѣданіяхъ 14 и 15 августа приняла видъ, немногимъ отличавшійся отъ опубликованнаго потомъ текста. Отдѣльные пункты, однако, продолжали возбуждать серьезныя разногласія.

Къ этому моменту относится первая попытка правительства реагировать на возникновеніе „прогрессивнаго блока". Представители фракцій, составлявшихъ старое большинство Гос. Думы (но безъ крайнихъ правыхъ и націоналистовъ), были приглашены вечеромъ 15 августа къ И. Л. Горемыкину. На прямой вопросъ о поддержкѣ правительства этимъ большинствомъ С. И. Шидловскій сообщилъ, что въ настоящее время обсуждается платформа для соглашенія большинства, но что въ составѣ его имѣются представители, не приглашенные къ И. Л. Горемыкину; въ виду неоконченности работъ и неполноты своего состава приглашенные не могутъ входить въ обсужденіе по существу. Въ то же время С. И. Шидловскій и В. В. Шульгинъ информировали И. Л. Горемыкина относительно общаго направленія работъ совѣщанія, а П. Н. Крупенскій обѣщалъ сообщить о результатахъ, когда работы будутъ закончены. При этомъ, члены будущаго блока дали понять И. Л. Горемыкину, что ихъ взгляды на обновленіе кабинета исключаютъ продолженіе личныхъ сношеній.

Черезъ день, 17 августа, вновь собралось общее собраніе участниковъ соглашенія **). Очень упорные споры возникли здѣсь и на слѣдующемъ засѣданіи, 19 августа со стороны націоналистовъ, по вопросамъ польскому и еврейскому. По первому вопросу пришлось даже ограничиться условной формулой, прикрывавшей принципіальныя разногласія чисто внѣшнимъ образомъ. Но необходимость сговориться чувствовалась всѣми. Большое впечатлѣніе произвело сообщеніе П. Н. Милюкова о настроеніяхъ Москвы, нетерпѣливо рвавшейся впередъ, навстрѣчу полному обновленію власти популярными въ Москвѣ обще-

*) Въ этой комиссіи, засѣдавшей 14 и 15 августа, участвовали подъ предсѣдательствомъ бар. В. В. Меллеръ-Закомельскаго, В. І. Гурко, Д. Д. Гриммъ, Кн. А. Д. Оболенскій и гр. Олсуфьевъ отъ Г. Совѣта; Милюковъ, Ростовцевъ, Савенко и Шидловскій (С. И.) отъ Г. Думы.

**) Въ качествѣ представителей фракцій и группъ Гос. Совѣта и Г. Думы, а также и лично отъ себя, въ этихъ совѣщаніяхъ принимали участіе члены Гос. Совѣта: М. А. Стаховичъ, бар. В. Меллеръ-Закомельскій, М. М. Ковалевскій, А. Ф. Кони, П. А. Шебеко, В. І. Гурко, А. В. Васильевъ, кн. А. В. Оболенскій, гр. А. Д. Олсуфьевъ, Д. Д. Гриммъ, А. С. Ермолотъ, А. Е Мейштовичъ и бар. И. Х. Розенъ и члены Г. Думы: В. Н. Львовъ, В. В. Шульгинъ, И. Н. Ефремовъ, В. А. Ржевскій, А. А. Добровольскій, Н. П. Шидловскій, С. И. Шидловскій, Н. А. Ростовцевъ, П. И. Дмитрюковъ, гр. Д. П. Капнистъ, П. Н. Милюковъ, П. Н. Круценскій, А. П. Савенко, гр. В. А. Бобринскій, А. И. Шингаревъ, В. А. Маклаковъ и Е. П. Ковалевскій. Списокъ этотъ, какъ и предыдущій, былъ опубликованъ въ печати.

ственными дѣятелями. Было бы, однако, совершенно невѣрно утверждать, какъ это иногда дѣлается въ печати, что вся идея парламентскаго соглашенія была навязана настроеніями внѣ Гос. Думы. Напротивъ, правильнѣе будетъ заключить, что духъ готовившагося въ Петроградѣ соглашенія повліялъ и на Москву. Упреки, раздавшіеся въ московскомъ совѣщаніи 16 августа у А. И. Коновалова, что безполезно поддерживать учрежденіе, „неспособное выпрямиться во весь ростъ", остались единичными заявленіями. Большинство склонилось къ мнѣнію, что надо идти рука объ руку съ образующимся лѣво-центровымъ большинствомъ Г. Думы. И формула „отвѣтственнаго министерства", составлявшая въ эти дни демаркаціонную линію между лѣвой и блоковой тактикой, „не встрѣтила всеобщаго признанія въ качествѣ наиболѣе точнаго выраженія основной потребности момента", такъ какъ „ставила составъ кабинета въ зависимость отъ соотношенія думскихъ фракцій *).

Постановленіе московской городской думы, около котораго вскорѣ затѣмъ кристаллизовалось общественное движеніе, состоялось черезъ два дня 18 августа (когда обсужденіе программы блока уже заканчивалось)—и было выдержано въ тонѣ блоковыхъ постановленій. Два послѣдніе пункта постановленія московской думы были: „основаніемъ къ достиженію побѣды является единеніе народнаго представительства со страной. Москва убѣждена, что Гос. Дума сумѣетъ въ этотъ часъ исполнить пожеланія, продиктованныя страной"; и „стоящая нынѣ отвѣтственная задача требуетъ созданія правительства, сильнаго довѣріемъ общества и единодушнаго, во главѣ котораго должно стоять лицо, которому вѣритъ страна".

Очевидно было, во всякомъ случаѣ, что не слѣдуетъ медлить. Въ засѣданіи 19 августа закончено было обсужденіе проекта программы блока и постановлено было немедленно передать его на обсужденіе фракцій и группъ. Въ засѣданіи 22 августа, послѣднемъ, были уже подведены итоги опроса фракцій, внесшихъ въ программу лишь незначительныя редакціонныя измѣненія, по принципіальнымъ вопросамъ ограничившихся лишь оговорками. Большія разногласія вызвалъ въ этомъ засѣданіи вопросъ о назначеніи документа. Совѣщанію было сообщено о готовности кабинета войти въ переговоры, и отдѣльные члены совѣщанія были готовы сдѣлать предметомъ этихъ переговоровъ только-что обсужденную программу. Однако, это рѣшеніе грозило бы немедленнымъ расколомъ. Послѣ оживленныхъ преній рѣшено было считать, что соглашеніе закончено и имѣетъ силу само по себѣ, независимо отъ употребленія, которое изъ него будетъ сдѣлано впослѣдствіи. Въ данную же минуту рѣшено было въ переговоры не входить. Нѣкоторыя затрудненія вызвалъ и вопросъ о формѣ присоединенія къ соглашенію группъ и членовъ верхней палаты. Такъ какъ на совѣщаніи сочувствующихъ соглашенію членовъ Гос. Совѣта программа была обсуждена и одобрена только en bloc, то и представители ихъ затруднялись присоединять свою подпись непосредственно къ документу.

Какъ бы то ни было, въ концѣ засѣданія 22 августа, поздно ночью, „соглашеніе" было объявлено заключеннымъ. На слѣдующій день текстъ соглашенія былъ размноженъ въ количествѣ экземпляровъ, соотвѣтствующемъ количеству согласившихся группъ, и 25 августа, во время засѣданія Гос. Думы, состоялось подписаніе соглашенія всѣми представителями участвующихъ въ немъ фракцій. Тогда же было прибавлено и письменное присоединеніе членовъ Г. Совѣта. Въ окончательномъ видѣ, съ присоединеніемъ подписей, „соглашеніе 22 августа" гласило слѣдующимъ образомъ:

*) См. сообщеніе объ этомъ засѣданіи въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ".

„Нижеподписавшіеся представители фракцій Гос. Думы, исходя изъ увѣренности, что только сильная, твердая и дѣятельная власть можетъ привести отечество къ побѣдѣ, и что такою можетъ быть лишь власть, опирающаяся на народное довѣріе и способная организовать активное сотрудничество всѣхъ гражданъ, пришли къ единогласному заключенію, что важнѣйшая и насущнѣйшая задача созданія такой власти не можетъ быть осуществлена безъ выполненія нижеслѣдующихъ условій:

Созданіе объединеннаго правительства изъ лицъ, пользующихся довѣріемъ страны и согласившихся съ законодательными учрежденіями относительно выполненія въ ближайшій срокъ опредѣленной программы.

Рѣшительное измѣненіе примѣнявшихся до сихъ поръ пріемовъ управленія, основывавшихся на недовѣріи къ общественной самодѣятельности, въ частности: а) строгое проведеніе начала законности въ управленіи, б) устраненіе двоевластія военной и гражданской власти въ вопросахъ, неимѣющихъ непосредственнаго отношенія къ веденію военныхъ операцій, в) обновленіе состава мѣстной администраціи, г) разумная и послѣдовательная политика, направленная на сохраненіе внутренняго мира и устраненіе розни между національностями и классами.

Для осуществленія такой политики должны быть приняты слѣдующія мѣры какъ въ порядкѣ управленія, такъ и въ порядкѣ законодательства:

1) Въ путяхъ Монаршаго милосердія, прекращеніе дѣлъ, возбужденныхъ по обвиненію въ чисто политическихъ и религіозныхъ преступленіяхъ, не отягченныхъ преступленіями обще-уголовнаго характера, освобожденіе отъ наказанія и возстановленіе въ правахъ, включая право участія въ выборахъ въ Гос. Думу въ земскія и городскія учрежденія и т. д., лицъ, осужденныхъ за тѣ же преступленія, и смягченіе участи остальныхъ осужденныхъ за политическія и религіозныя преступленія, за исключеніемъ шпіоновъ и предателей.

2) Возвращеніе высланныхъ въ административномъ порядкѣ за дѣла политическаго и религіознаго характера.

3) Полное и рѣшительное прекращеніе преслѣдованій за вѣру, подъ какими бы то ни было предлогами, и отмѣна циркуляровъ, послѣдовавшихъ въ ограниченіе и извращеніе смысла указа 17-го апрѣля 1905 года.

4) Разрѣшеніе русско-польскаго вопроса, а именно: отмѣна ограниченій въ правахъ поляковъ на пространствѣ всей Россіи, незамедлительная разработка и внесеніе въ законодательныя учрежденія законопроекта объ автономіи Царства Польскаго и одновременный пересмотръ узаконеній о польскомъ землевладѣніи.

5) Вступленіе на путь отмѣны ограниченій въ правахъ евреевъ, въ частности дальнѣйшіе шаги къ отмѣнѣ черты осѣдлости, облегченіе доступа въ учебныя заведенія, отмѣна стѣсненій въ выборѣ профессій. Возстановленіе еврейской печати.

6) Примирительная политика въ финляндскомъ вопросѣ, въ частности, перемѣны въ составѣ администраціи и сената и прекращеніе преслѣдованія противъ должностныхъ лицъ.

7) Возстановленіе малорусской печати; немедленный пересмотръ дѣлъ жителей Галиціи, содержащихся подъ стражей и сосланныхъ и освобожденіе тѣхъ изъ нихъ, которые подверглись преслѣдованію невинно.

8) Возстановленіе дѣятельности профессіональныхъ союзовъ и прекращеніе преслѣдованія представителей рабочихъ въ больничныхъ кассахъ по подозрѣнію въ принадлежности къ нелегализованной партіи. Возстановленіе рабочей печати.

9) Соглашеніе правительства съ законодательными учрежденіями относительно скорѣйшаго проведенія:

а) всѣхъ законопроектовъ, имѣющихъ ближайшее отношеніе къ національной оборонѣ, снабженію арміи, обезпеченію раненыхъ, устройству участи бѣженцевъ и другимъ вопросамъ, непосредственно связаннымъ съ войной,

б) слѣдующей программы законодательныхъ работъ, направленныхъ къ организаціи страны для содѣйствія побѣдѣ и къ поддержанію внутренняго мира:

уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими сословіями,

введеніе волостного земства,

измѣненіе земскаго положенія 1890 года,

измѣненіе городового положенія 1892 года,

введеніе земскихъ учрежденій на окраинахъ, какъ то: въ Сибири, Архангельской губ., Донской области, на Кавказѣ и т. д.,

законопроектъ о кооперативахъ,

законопроектъ объ отдыхѣ торговыхъ служащихъ,

улучшеніе матеріальнаго положенія почтово-телеграфныхъ служащихъ,

утвержденіе трезвости навсегда,

о земскихъ и городскихъ съѣздахъ и союзахъ,

уставъ о ревизіи,

введеніе мирового суда въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введеніе его пріостановлено по финансовымъ соображеніямъ.

Осуществленіе законодательныхъ мѣръ, въ которыхъ можетъ встрѣтиться необходимость при выполненіи въ порядкѣ управленія, намѣченной выше программы дѣятельности.

Подписали: отъ прогрессивной группы націоналистовъ *В. Бобринскій*, отъ фракціи центра *В. Львовъ*, отъ фракціи земцевъ-октябристовъ *И. Дмитрюковъ*, отъ группы союза 17-го октября *С. Шидловскій*, отъ фракціи прогрессистовъ *И. Ефремовъ*, отъ фракціи народной свободы *П. Милюковъ*.

„Разсмотрѣвъ программу ближайшихъ мѣропріятій по порядку управленія и законодательству, объединившую значительное большинство Гос. Думы, и одобряя общія основанія, намѣченныя въ этой программѣ, группа центра Гос. Совѣта и примыкающіе къ ней члены кружка внѣпартійнаго объединенія и группа академическая съ примыкающими къ ней безпартійными въ соединенномъ засѣданіи 24 августа 1915 г. постановили: присоединиться къ программѣ, объединившей Гос. Думу. Бар. В. Меллеръ-Закомельскій Д. Гриммъ".

XIII.

Отношеніе къ „соглашенію" фракцій Гос. Думы, въ него невошедшихъ, сказалось уже въ засѣданіи совѣта старѣйшинъ 17 августа, на которомъ А. И. Шингаревъ предложилъ принять законодательную программу, обсужденную въ частномъ совѣщаніи у В. М. Родзянко, какъ планъ занятій для текущей сессіи Гос. Думы. Марковъ 2-й, Левашевъ и Сафоновъ возражали противъ нея, какъ выходящей за предѣлы исключительно военныхъ проектовъ. Съ другой стороны, А. Ф. Керенскій заявилъ, что трудовики отказываются принимать участіе въ обсужденіи программы, такъ какъ она выработана въ „закулисныхъ совѣщаніяхъ". П. Н. Милюковъ отвѣтилъ на это, что трудовики и с.-д. сами выдѣлили себя изъ того большинства, которое пришло къ соглашенію, и продолжаютъ выдѣлять себя отказомъ отъ участія въ обсужденіи. Что же касается самой идеи соглашенія между отдѣльными фракціями о проведеніи тѣхъ или иныхъ законопроектовъ, она представляетъ обычное явленіе всѣхъ парламентовъ.

25 августа, въ самый день подписанія „соглашенія“, блоку пришлось принять боевое крещеніе въ открытомъ засѣданіи Гос. Думы. Марковъ 2-й пытался высмѣять А. И. Савенко въ роли участника блока и заявилъ, что „въ блокъ вошли люди, сильно измѣнившіе своему знамени, одни—національному, другіе—демократическому. и создавшіе вмѣсто чистаго цвѣта цвѣтъ промежуточный—желтый“. П. Н. Милюковъ отвѣчалъ на это: „я понимаю, почему Маркову 2-му это не нравится. Онъ теряетъ недавнихъ союзниковъ и оказывается слишкомъ одинокъ въ той роли, которая не вызываетъ одобренія русскаго общества. Я понимаю, почему въ своей попыткѣ поколебать соглашеніе онъ обращается къ демагогическимъ аргументамъ. На нашихъ глазахъ какъ будто дѣлается попытка возстановленія того черно-краснаго блока, который десять лѣтъ тому назадъ стоилъ намъ потери свободъ. Теперь это не повторится. Провокація справа не приведетъ къ инсценировкѣ вооруженныхъ возстаній, которыя кончаются реакціей. Чтобы этого не было, между чернымъ блокомъ и его попыткой перекинуть мостикъ налѣво стоитъ центральное объединеніе. Оно ручается само по себѣ—поскольку оно будетъ прочно—что на плечахъ русской общественности оно вынесетъ Россію изъ труднаго момента, который мы теперь переживаемъ. Это—то русло, въ которое должно направиться общественное движеніе, которое, конечно, насъ поддержитъ. Образованіе большинства въ Гос. Думѣ приведетъ и къ рѣшенію вопроса о власти. Рѣшеніе вопроса думскими силами до созданія этого большинства было, очевидно, невозможно“. А. И. Савенко отвѣтилъ Маркову 2 прямо на брошенный упрекъ. „Разумѣется, война многое измѣнила. Война открыла глаза людямъ. Тѣ ужасы, которые мы переживаемъ, поневолѣ приведутъ къ переоцѣнкѣ цѣнностей. И горе тѣмъ, кто во время войны не прозрѣлъ, кто ничего не понялъ и продолжаетъ толкать наше отечество въ ту пропасть, на край которой привелъ нашу родину старый бюрократическій режимъ и его приспѣшники“. Въ засѣданіи 28 августа эта полемика продолжалась. Отъ имени націоналистовъ выступилъ П. А. Сафоновъ съ рѣзкими упреками по адресу отколовшихся товарищей, гр. В. А. Бобринскаго и В. В. Шульгина. и съ нападками на соглашеніе, которыя съ тѣхъ поръ сдѣлались шаблонными. Блокъ будто бы требуетъ „отвѣтственнаго министерства“, блокъ вызываетъ разъединеніе и отвлекаетъ отъ насущныхъ задачъ, блокъ для этого „пользуется теперешней политической обстановкой“ и грозитъ „улицей“ *), въ случаѣ непринятія его требованій: Сафонову удачно отвѣтилъ В. В. Шульгинъ. Искренно и откровенно онъ изложилъ ту психологію—отчасти свою личную,—которая привела его и его сторонниковъ къ сознанію необходимости не высмѣять и отойти въ сторону, а понять и сговориться съ представителями непривычнаго міросозерцанія. На кличку Маркова 2-го, данную „желтому блоку“, онъ просто и сильно возразилъ: „Если вы будете смотрѣть сквозь очки старой ненависти и злости, сквозь желтые очки, то вы все, конечно, увидите въ желтомъ свѣтѣ. Если же вы не будете смотрѣть черезъ желтые очки, то вы ясно увидите, что этотъ блокъ—трехцвѣтный. Въ немъ одна полоса красная. другая синяя и третья бѣлая. Другого не можетъ быть у блока національной борьбы“.

Отношеніе къ парламентскому блоку слѣва, поскольку оно выразилось въ рѣчи А. Ф. Керенскаго, было совершенно иное, чѣмъ справа. Отсюда не укоряли въ измѣнѣ и отступничествѣ, а „глубоко скорбѣли“ по поводу мнимаго непониманія значенія того самаго, что, въ сущности, и составляло основную задачу блока: „мощнаго объединенія всѣхъ живыхъ силъ страны“. Мы знаемъ,

*) Аргументъ, основанный на злостномъ перетолкованіи фразы В. А. Маклакова.

что рано или поздно вамъ придется идти съ нами, и мы спокойно ждемъ того момента“, заявлялъ Керенскій. Но въ ожиданіи, когда моментъ придетъ, онъ не могъ отрицать значенія блока. „То, что вы сейчасъ задумали сдѣлать, является только зачаткомъ, только приближеніемъ къ той программѣ, которую мы предлагали вамъ годъ тому назадъ. И поскольку ваши шаги направляются туда, куда намъ нужно, мы никакихъ препятствій вамъ чинить не будемъ“. Интересно эти слова сопоставить съ заключительными словами рѣчи Сафонова: „въ вашихъ попыткахъ провести реформы, намѣченныя блокомъ, вы встрѣтите съ нашей стороны рѣшительное противодѣйствіе“. Или, какъ выражался Марковъ 2 (см. выше): „мы еще поборемся“.

Однако же, „борьба“ началась не сразу. Въ самый день опубликованія программы блока, 26 августа *), вопросъ о ней былъ поставленъ въ засѣданіи совѣта министровъ. Мнѣнія раздѣлились. Одно мнѣніе, враждебное блоку, находило, что засѣданія Гос. Думы имѣютъ не успокаивающій, а „нервирующій“ страну характеръ, и что необходимъ скорѣйшій роспускъ ея. Объ опасностяхъ роспуска только что говорилъ, основываясь на многочисленныхъ выдержкахъ изъ писемъ отъ корреспондентовъ всѣхъ общественныхъ классовъ и положеній, П. Н. Милюковъ въ засѣданіи 25 августа. Большинство министровъ также признало, что при данномъ настроеніи въ странѣ и въ арміи роспускъ былъ бы рискованнымъ экспериментомъ. П. А. Харитонову было поручено, въ виду этого, вступить въ сношенія съ блокомъ. 27 августа на его квартирѣ состоялось совѣщаніе четырехъ министровъ (П. А. Харитоновъ, кн. Щербатовъ, А. А. Хвостовъ и кн. Шаховскаго) съ восемью представителями фракцій и группъ, подписавшихъ программу (см. выше эти подписи; вм. гр. В. А. Бобринскаго присутствовалъ въ совѣщаніи В. В. Шульгинъ).

Представители блока оговорились, что смотрятъ на предстоящую бесѣду, какъ на имѣющую чисто информаціонный характеръ. Въ этомъ съ ними согласились и министры, пожелавшіе получить подробныя разъясненія по каждому пункту программы. За исключеніемъ вопроса о „министерствѣ довѣрія“, о которомъ, какъ выходившемъ изъ ихъ компетенціи. П. А. Харитоновъ согласился доложить, министры разбирали программу блока по существу, останавливаясь на отдѣльныхъ пунктахъ и ссылаясь или на то, что соотвѣтствующія мѣры уже принимаются, или на то, что осуществленіе ихъ немедленно и въ полномъ размѣрѣ представляются затруднительнымъ. Особенное вниманіе министры обратили на то, что представители блока во всѣхъ своихъ пожеланіяхъ оказались солидарными. Пунктовъ, которые вызвали бы къ себѣ безусловно отрицательное отношеніе, повидимому, не оказалось.

На слѣдующій день, 28 августа, П. А. Харитоновъ сдѣлалъ совѣту министровъ обстоятельный докладъ по поводу бесѣды съ представителями блока. Судя по сообщеніямъ въ печати, совѣтъ пришелъ къ заключенію, что программа парламентскаго „соглашенія“ въ очень значительной части пріемлема, но что осуществленіе ея не можетъ быть взято на себя кабинетомъ въ его настоящемъ составѣ. О первомъ пунктѣ программы (министерство довѣрія) совѣтъ постановилъ довести до свѣдѣнія Верховной Власти **).

---

*) Въ виду разногласій по вопросу объ опубликованіи программы блока, напечатаніе ея въ петроградскихъ газетахъ было задержано. Но она появилась, притомъ въ не совсѣмъ исправномъ текстѣ, въ московскихъ газетахъ 26 августа. Послѣ этого дальнѣйшая задержка уже не имѣла смысла. 27 августа программа появилась и въ петроградскихъ газетахъ, хотя отдѣльные участники блока, какъ объ этомъ потомъ было заявлено въ печати нѣкоторыми членами Гос. Совѣта, находили этотъ шагъ неправильнымъ.

**) „Рѣчь“ 29 августа.

На слѣдующій день, 29 августа, И. Л. Горемыкинъ уѣхалъ въ Ставку. Отъѣздъ этотъ вызвалъ усиленные толки объ ускореніи срока роспуска Гос. Думы.

XIV.

Для того, чтобы объяснить послѣдовавшія событія, необходимо вернуться къ началу сессіи Гос. Думы и ознакомиться съ мнѣніями вліятельныхъ правыхъ круговъ, опредѣлявшихъ ходъ событій десять лѣтъ тому назадъ. Въ печати были опубликованы три журнала засѣданій совѣта объединеннаго дворянства отъ 27 іюля, 20 авг. и 25 окт. 1915 г. Журналы эти бросаютъ яркій свѣтъ на источникъ тѣхъ мнѣній, съ которыми выступили въ Гос. Думѣ крайніе правые и правые націоналисты. Уже 27 іюля т. е. черезъ недѣлю послѣ начала сессіи, въ кружкахъ „объединеннаго дворянства" обнаруживается безпокойство. А. Н. Мосоловъ въ засѣданіи совѣта проводитъ параллель между 1915 и 1905 гг. и предлагаетъ „освѣдомить правительство, что всѣ пожеланія (о „дальнѣйшемъ проведеніи въ жизнь вожделѣній лѣвыхъ партій", объ отвѣтственномъ министерствѣ и пр.), которыя впослѣдствіи, по окончаніи войны, выльются въ опредѣленныя требованія, исходятъ лишь отъ опредѣленной группы лицъ, не представляющихъ собою всего народа, и что мнѣнія ихъ совсѣмъ не раздѣляетъ его благомыслящая часть, которая, если потребуется, окажетъ поддержку правительству". Другіе члены совѣта, въ томъ числѣ и нынѣшій министръ земледѣлія А. Н. Наумовъ, находили, что подобное выступленіе дворянства было бы несвоевременно, такъ какъ никакихъ опредѣленныхъ требованій къ правительству пока не поступало, а, напротивъ, общество настроено патріотично, грани между партіями стушевались, страна жаждетъ лишь побѣды надъ врагомъ и протягиваетъ свою крѣпкую руку правительству. Совѣтъ постановилъ: „съ особеннымъ вниманіемъ слѣдить за происходящими событіями и домогательствами партій, и когда того потребуютъ обстоятельства, принять соотвѣтствующія мѣропріятія, воздерживаясь до времени отъ какихъ либо выступленій". Черезъ три недѣли послѣ этого постановленія, въ засѣданіи 20 августа, предсѣдатель совѣта докладываетъ, что „за короткое время обстоятельства круто перемѣнились". Онъ указываетъ на думскія и внѣдумскія выступленія и резолюціи, „имѣющія явной цѣлью измѣненіе существующаго государственнаго строя". Дворянству необходимо выступить. Однако, А. Б. Нейдгардъ полагаетъ, что выступленіе одного только совѣта не будетъ имѣть достаточнаго авторитета, и что „необходимо, чтобы все объединенное дворянство подало свой голосъ". Черезъ два дня, на засѣданіи совѣта 22 августа (въ тотъ же вечеръ, когда окончательно принята программа прогрессивнаго блока) уже А. Н. Наумовъ указывалъ на „огромное и роковое значеніе", которое можетъ имѣть введеніе „начала отвѣтственнаго министерства, какъ основы парламентаризма". Онъ обвинялъ власть за то, что она „не регулируетъ" дѣятельность своихъ органовъ въ провинціи и тѣмъ допускаетъ „проявленіе иниціативы управленія со стороны общественныхъ элементовъ, не только лойяльно настроенныхъ, но и противоположнаго характера". Несмотря на возраженіе члена Гос. Совѣта В. И. Карпова, что „установленія отвѣтственности министерства сейчасъ никто и не добивается", совѣтъ постановилъ: „просить своего предсѣдателя А. П. Струкова письменно или лично обратиться отъ имени совѣта къ предсѣдателю совѣта министровъ по вопросамъ переживаемаго времени".

Письмо А. П. Струкова, сыгравшее, повидимому, рѣшающую роль въ вопросѣ о роспускѣ Гос. Думы, было напечатано въ газетахъ. Въ немъ, отъ имени объединеннаго дворянства, его предсѣдатель дѣлалъ слѣдующія заявле-

нія. „Наблюдая и оцѣнивая событія послѣдняго времени въ нашей внутренней жизни, постоянный совѣтъ объединенныхъ дворянскихъ обществъ не могъ не признать, что проявляющіяся въ странѣ и тылу нашей доблестной арміи стремленія нѣкоторой части общества пользоваться тяжелымъ временемъ войны для достиженія излюбленныхъ лѣвыми теченіями политическихъ цѣлей представляютъ собою явную опасность для спокойствія страны, столь необходимаго для отраженія нашествія врага. Поэтому постоянный совѣтъ, какъ органъ, объединяющій мнѣнія россійскаго дворянства, считаетъ долгомъ представить правительству, что по его глубокому убѣжденію произносимыя и передаваемыя прессой во всѣ концы страны лѣвыя рѣчи, нѣкоторыя заключенія столичныхъ совѣщаній и злоупотребленія печатнымъ словомъ являются предвѣстниками новыхъ смутъ, съ цѣлью измѣненія государственнаго строя Россіи“.

Какъ видно изъ этого текста письма, оно не имѣло еще въ виду „прогрессивнаго блока“, создавшагося одновременно. Но въ ближайшіе же дни всѣ нападки совѣта объединеннаго дворянства были обращены на эту новую и болѣе опасную цѣль. По складу мысли и по ограниченности кругозора очень близко къ разсужденіямъ А. П. Струкова стоитъ „заявленіе правой группы Гос. Совѣта“, составленное въ послѣдніе дни думской сессіи. Правая группа, какъ и совѣтъ объединеннаго дворянства, прежде всего ищетъ сходства въ создавшемся положеніи съ положеніемъ 1905 г. Она находитъ, что программа блока „весьма близко подходитъ къ требованіямъ, провозглашеннымъ десять лѣтъ назадъ лѣвыми партіями (въ дѣйствительности, скорѣе можно было бы искать сходства этой программы съ тогдашними заявленіями И. Л. Горемыкина. На это сходство и было указано въ печати). Для правой группы не только „министерство довѣрія“, но и пожеланіе объ амнистіи („впервые“ высказанное теперешнимъ министромъ А. Н. Хвостовымъ, по его собственному заявленію) и даже „предложеніе правительству осуществить предначертанный декларацiей порядокъ управленія“ (хотя такія „предложенія“ ежедневно дѣлаются печатью, не говоря уже о Гос. Думѣ)—все это суть нарушенія Основныхъ Законовъ и „вторженія“ въ прерогативу. Слѣдуетъ невѣрное утвержденіе, будто программа блока не включила вопросовъ, „имѣющихъ ближайшее отношеніе къ войнѣ“, и выраженія „глубокаго убѣжденія праваго единенія, что никакихъ другихъ вопросовъ и не слѣдуетъ включать какъ въ законодательствѣ, такъ и въ управленіи, до окончанія войны“. Конечно, даже ежедневная дѣятельность совѣта министровъ и созданныхъ Гос. Думою „особыхъ совѣщаній“ далеко выходитъ за эти предѣлы, не говоря уже о томъ, что цѣлый рядъ вопросовъ, введенныхъ въ программу блока (и нѣкоторые, въ нее не введенные, напр., о народномъ образованіи) подготовляются для внесенія въ законодательныя учрежденія самимъ правительствомъ, нѣкоторые уже внесены, а отдѣльные вопросы даже разрѣшены въ порядкѣ 87 статьи или помимо этого порядка.

Вспомнивъ о 1905 г., вліятельные правые круги рѣшили возобновить и испытанныя тогда средства борьбы. Изъ Петрограда полетѣли телеграммы въ провинцію, выражавшія удивленіе, „почему, въ виду образовавшагося прогрессивнаго блока, безмолвствуютъ правые“, и требовавшія, чтобы правые подняли свой голосъ, дабы предупредить возможность уступокъ блоку. Уже 27—29 августа состоялось совѣщаніе уполномоченныхъ монархическихъ организацій въ Саратовѣ, принявшія пожеланія, развертывавшія положенія письма А. П. Струкова. „Гос. Дума за полтора мѣсяца не только не внесла въ страну успокоенія, но растревожила ее до послѣдней степени... Особое неразуміе и непригодность къ вершенію государственныхъ дѣлъ выказали члены Думы, организовавшіе прогрессивный блокъ, осуществленія программы котораго всѣ

нѣмцы ждутъ съ радостнымъ трепетомъ". „Гос. Думу, не оправдавшую задачъ необходимо немедленно распустить" и „одновременно вручить власть лицу, облеченному неограниченными полномочіями". Соотвѣтственно этимъ „пожеланіямъ", на томъ же совѣщаніи было отправлено „обращеніе къ правительству", требовавшее, чтобы правительство „вспомнило 1905 г. и бросило политику уступокъ", чтобы оно приняло цѣлый рядъ предупредительныхъ мѣръ противъ повторенія „смуты" 1905 г. и т. д. На томъ же совѣщаніи 27—29 августа было намѣчено и устройство „болѣе многолюднаго совѣщанія" между 15—30 ноября, т. е. ко времени предполагавшагося созыва Гос. Думы, когда „вновь начнется злая работа по захвату Верховной Власти и опять опустятся руки нашихъ доблестныхъ воиновъ".

XV.

Вскорѣ по возвращеніи И. Л. Горемыкина стало извѣстно, что роспускъ Гос. Думы рѣшенъ окончательно. Президіумъ Гос. Думы узналъ объ этомъ въ 2 часа ночи 31 августа, 2 сентября И. Л. Горемыкинъ сообщилъ совѣту министровъ о рѣшеніи прервать занятія Гос. Думы съ 3 сентября по ноябрь, какъ о совершившимся фактѣ. Тогда же былъ оффиціально увѣдомленъ объ этомъ и предсѣдатель Гос. Думы. Глубокое впечатлѣніе, произведенное этимъ извѣстіемъ, не могло бы быть объяснено однимъ фактомъ отсрочки засѣданій на нѣсколько недѣль или мѣсяцевъ. Всѣ чувствовали, что тутъ дѣло идетъ о крупномъ поворотѣ во всемъ внутреннемъ курсѣ, предѣлы и послѣдствія котораго невозможно предвидѣть.

На 3 сентября было назначено еще ранѣе очередное засѣданіе Гос. Думы, и на повѣсткѣ стояло продолженіе обсужденія законопроекта о военной цензурѣ, нѣсколько запросовъ и выборъ 9 членовъ Гос. Думы въ новое особое совѣщаніе о бѣженцахъ. Рѣшеніе прервать занятія въ этотъ день застало, такимъ образомъ, сессію въ полномъ разгарѣ работы, что само по себѣ придавало перерыву характеръ, напоминавшій старые роспуски. Оставалось рѣшить вопросъ, какъ будетъ Гос. Дума реагировать на такъ неожиданно сложившееся положеніе. Для рѣшенія его на 10 час. утра 3 сентября былъ созванъ совѣтъ старѣйшинъ. Представители фракціи народной свободы явились на него съ рѣшеніемъ фракціи реагировать на перерывъ засѣданій Гос. Думы отозваніемъ своихъ членовъ изъ особыхъ совѣщаній. Такъ же рѣшили и прогрессисты. Уже поэтому эти фракціи не имѣли основаній присоединиться къ предложенію М. В. Родзянко поставить на повѣстку выборы въ особое совѣщаніе о бѣженцахъ, уже стоявшіе на повѣсткѣ, но снятые за неопубликованіемъ самаго закона объ этомъ совѣщаніи, опубликованнаго только тѣмъ же утромъ. Возникалъ болѣе общій вопросъ: устраивать ли вообще засѣданіе по повѣсткѣ, когда имѣлся указъ объ отсрочкѣ занятій? А. Ф. Керенскій заявилъ, что если вообще будутъ обсуждать въ засѣданіи какіе-либо вопросы, то нельзя будетъ обойти молчаніемъ событія послѣднихъ дней. Къ нему присоединились П. Н. Милюковъ и И. Н. Ефремовъ. Тогда рѣшено было прервать засѣданіе, чтобы дать возможность высказаться фракціямъ. Представители фракцій, вошедшихъ въ блокъ, собрались предварительно, чтобы выработать проектъ общаго рѣшенія. Въ духѣ всей тактики блока единодушно рѣшено было встрѣтить перерывъ занятій съ полнымъ спокойствіемъ, чтобы тѣмъ дать примѣръ странѣ и наглядно опровергнуть взводившіяся на блокъ обвиненія. Для этой цѣли блокъ рѣшилъ ограничить засѣданіе прочтеніемъ указа о перерывѣ и къ повѣсткѣ вовсе не приступать. Затѣмъ обсужденъ былъ вопросъ и о выходѣ депутатовъ изъ особыхъ совѣщаній. Кромѣ к.-д. и прогрессистовъ, всѣ осталь-

ныя фракціи блока были противъ такого выхода. Было совершенно ясно, что при такомъ настроеніи выходъ одной оппозиціи теряетъ большую часть политическаго значенія, а кромѣ того обнаруживаетъ расхожденіе въ блокѣ, т. е. то, чего всего больше желали его противники, сдѣлавшіе прогрессивный блокъ главной мишенью своихъ нападокъ. Въ тотъ моментъ, когда Гос. Думу распускали изъ за появленія блока, всякій симптомъ внутренняго разногласія былъ особенно нежелателенъ. Вотъ почему оппозиція и другія фракціи блока рѣшили пойти на взаимныя уступки. Фракціи народной свободы и прогрессистовъ согласились оставить своихъ членовъ въ совѣщаніяхъ, а остальныя фракціи согласились, что окончательное рѣшеніе этого вопроса будетъ отложено до полнаго выясненія политическаго положенія. Этимъ рѣшеніемъ демонстрирована была прочность блока и его намѣреніе — сохранить въ дальнѣйшемъ свое существованіе.

Намѣченныя рѣшенія были затѣмъ проведены черезъ совѣщанія фракцій. Совѣтъ старѣйшинъ послѣ того снова собрался, и рѣшеніе ограничить засѣданіе прочтеніемъ одного указа было окончательно принято.

Засѣданіе Гос. Думы открылось въ 2 ч. 50 м., а окончилось въ 2 ч. 55 м. За закрытіемъ засѣданія депутаты перешли въ сосѣднюю полуциркульную залу и подъ предсѣдательствомъ М. В. Родзянко открыли частное совѣщаніе, поставившее цѣлью дать предсѣдателю Гос. Думы матеріалы для его ближайшаго доклада „о настроеніи Гос. Думы и объ истинномъ положеніи вещей". Противъ этой цѣли возстали только крайные правые — Замысловскій, доказывавшій правильность и объяснявшій мотивы перерыва, и Богдановъ, заявлявшій, что его единомышленники „всегда найдутъ способъ довести до свѣдѣнія о взглядахъ меньшинства". А. И. Шингаревъ въ горячей, взволнованной рѣчи подвелъ итогъ всему, что сдѣлано для арміи и для обороны въ прерванной сессіи, А. Ф. Керенскій заявилъ, что ему помѣшали „обратиться съ трибуны Гос. Думы къ народнымъ массамъ съ призывомъ соблюдать въ настоящій исключительный моментъ крайнюю выдержку, не поддаваясь на провокацію". „Я не ошибусь, резюмировалъ М. В. Родзянко эту бесѣду, если скажу, что Гос. Дума безъ различія партій и воззрѣній единодушно стремится къ тому, чтобы врагъ былъ побѣжденъ. Гос. Дума работала на пользу страны и..., вопреки тому, что говорятъ ея недоброжелатели, клевещущіе на народное представительство, оказываетъ самое благопріятное вліяніе на населеніе и способствуетъ побѣдѣ". На вечернемъ засѣданіи прогрессивнаго блока въ этотъ день ударъ по блоку былъ оцѣненъ, какъ частный и переходящій эпизодъ. Было признано, что съ перерывомъ занятій Гос. Думы существованіе блока становится еще болѣе важнымъ, чѣмъ прежде; высказана увѣренность, что блокъ выйдетъ изъ испытанія еще болѣе прочнымъ. И дѣйствительно, послѣ небольшого перерыва, блокъ принялся дѣятельно готовиться къ ноябрьской сессіи Гос. Думы, пріостановивъ работу вновь только тогда, когда эта сессія была вновь отсрочена.

Но эти событія уже выходятъ за предѣлы отчетнаго періода. Ограничимся напоминаніемъ, что вся страна, въ лицѣ общественныхъ организацій, откликнулась на событіе 3 сентября, и что въ то же время призывъ къ спокойствію и сдержанности, раздавшійся изъ Таврическаго дворца, былъ услышанъ и принятъ во вниманіе. Гос. Дума, а въ ней прогрессивный блокъ,— самый зрѣлый плодъ „военной" тактики фракціи народной свободы, немыслимый ни при какой иной тактикѣ и одвимъ своимъ существованіемъ оправдывающій и санкціонирующій эту тактику,—сдѣлались средоточіемъ всѣхъ надеждъ страны.

Въ этомъ сказалось и громадное отличіе событій 1915 г. отъ 1905 г.

Недавно одна полуоффиціозная газета принуждена была признать, что крайніе правые сдѣлали большую ошибку и на ней оборвались. Они возобновили тактику, которая была разсчитана на революціонныя вспышки. А очутились они лицомъ къ лицу съ огромнымъ національнымъ движеніемъ, сознавшимъ само себя, сумѣвшимъ, несмотря на всѣ препятствія, удержать передъ глазами основную, великую народную задачу и къ ней продолжавшимъ идти, чтобы дать родинѣ побѣду вопреки ничтожной кучкѣ дѣйствительныхъ смутьяновъ, приводимыхъ въ движеніе узкими партійными предразсудками или личными разсчетами. Единство національнаго движенія, нашедшее свое выраженіе въ прогрессивномъ блокѣ, сказалось въ томъ, что крайніе правые крикуны не нашли на этотъ разъ резонанса для своихъ застращиваній и запугиваній. Ихъ демонстративныя выступленія только показали наглядно ихъ полную изолированность, ихъ численное ничтожество, и тѣмъ лишили всякой возможности на нихъ опираться. Испуга кругомъ нихъ не было. Была „патріотическая тревога", которая главную внутреннюю опасность усматривала въ самой этой кучкѣ дезорганизаторовъ, позорившихъ Россію огульнымъ осужденіемъ всего, что было въ ней лучшаго. Моральная сила объединенія, сосредоточившаго въ себѣ всѣ наличные элементы парламентской среды и всѣ общественные классы, ими представленные, была такова, что въ открывшемся спорѣ на сторону этого объединенія стали переходить самые упорные противники политическаго движенія 1905 г. И если этой политикѣ удастся остановить начавшееся раздвоеніе, если первоначальный толчокъ уже теперь утратилъ большую часть той силы, на которую былъ разсчитанъ, то этими результатами мы будемъ обязаны тактикѣ національнаго единенія, а въ томъ числѣ и „военной" тактикѣ фракціи народной свободы.

Цѣна 20 коп.

Въ бюро парламентской фракціи народной свободы (Тверская, 29, кв. 3, тел. 52-57) имѣются слѣдующія изданія:

	Цѣна
А. М. Колюбакинъ. Гражданинъ-воинъ: 1868—1915 г.	р. 60 к.
А. А. Корниловъ. Парламентскій блокъ	р. 20 к.
Его же. Законопроектъ о волостномъ земскомъ управленіи, въ редакціи, установленной 3-й Гос. Думой	р. 30 к.
Ф. Ф. Кокошкинъ. Объ отвѣтственномъ министерствѣ	р. 20 к.
Третья Гос. Дума. Отчетъ о дѣятельности фракціи народной свободы за сессіи I—V, въ пяти выпускахъ	1 р. — к.
Четвертая Г. Дума. Отчетъ о дѣятельности фракціи народной свободы за первую сессію	— р. 80 к.
Четвертая Г. Дума. Отчетъ о дѣятельности фракціи народной свободы за вторую сессію	— р. 95 к.

